

Сергей Прокопьев
АФГАНСКИЙ СИНОДИК

16+

Сергей Николаевич Прокопьев

Афганский синодик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51928107

SelfPub; 2020

Аннотация

В пространстве интернета давно известна повесть Сергея Прокопьева «90-й псалом» о войне в Афганистане. В новой книге писателя собраны рассказы на эту тему. В рассказе «Афганский синодик» старшина танковой роты составляет список тех, с кем служил в одном гарнизоне и кто не вернулся с войны. Пишет одну фамилию за другой и вспоминает-вспоминает... Герой «Головореза» – офицер спецподразделения КГБ «Зенит», участник уникальной операции по взятию горсткой зенитовцев и десантников стратегически важного объекта – генерального штаба Афганской армии. Само за себя говорит название рассказа «Псевдоафганец». В рассказах «Первая смерть», «Артур, Татьяна и чекистка» повествуется о тех, кто ждал своих близких с войны, хранит память о погибших...

Содержание

Головорез	4
Афганский синодик	19
Псевдоафганец	47
Первая смерть	67
Артур, Татьяна и Чекистка	77

Головорез

Виталий Квасцов с лёгким поклоном представился священнику, отцу Андрею:

– Раб Божий Виталий.

Бледное костистое лицо, глубокие морщины. Редкие светлые волосы. Уставший взгляд. «Болеет», – подумал священник и накрыл голову Виталия епитрахилью. Виталий пригнулся, они были с батюшкой одинакового роста, за метр восемьдесят.

– Грешен, батюшка, грешен, – начал Виталий. В голосе волнение. – Словом, помышлением, делами.

Виталий вздохнул, сделал паузу, священник ждал.

– Грешен, батюшка, убивал людей.

Виталий замолчал.

Отец Андрей почему-то бросил взгляд на правую руку Виталия, в которой тот держал матерчатую фуражку. Сухие, длинные пальцы, не знавшие ежедневного физического труда. Кожа покрыта возрастными пигментными пятнами.

– Я убивал людей, – повторил Виталий. – И не один раз. Но я – профессиональный военный, батюшка...

– Вы оправдываетесь или раскаиваетесь? – спросил отец Андрей.

– Не знаю, батюшка, – Виталий пожал плечами. – Не знаю...

– Где убивали?

– В Афганистане. До этого много лет из меня готовили диверсанта-разведчика, в общем-то – головореза...

– «Альфа»?

– Нет, «Зенит», потом переименовали в «Вымпел».

– Помните, кого убивали?

– Отлично помню охранника в генштабе правительства Амина. Царствие ему Небесное.

– Всегда поминаете так?

– Два года назад, рассказывая журналисту о штурме, о том эпизоде, вдруг пожелал: «Царствие ему Небесное». С той поры всегда.

– Он мог вас убить?

– Нет, был обречён. Нас готовили один к шести без оружия. К тому же – я знал о начале операции, был наготове... И зубы ему заговорил...

– Убивали всегда лицом к лицу?

– Его да...

Это была операция в Афганистане, в Кабуле, по свержению правительства Амина. С лёгкой руки журналистов переворот свели к штурму дворца Тадж-Бека, резиденции Амина. На самом деле операция уникальна тем, что одновременно начался захват нескольких жизненно важных объектов. За сорок пять минут минимальными силами с единичными потерями власть была передана новому правительству.

Штурмовой группе, в которую входил Виталий, а это пят-

надцать зенитовцев плюс три пограничника (число должно быть чётным) – за сорок минут до операции поставили задачу: войти в здание генерального штаба Афганской армии, захватить его вместе с начальником – генералом Мухаммедом Якубом и удерживать до прихода подкрепления. Якуб, преданный Амину родственник, мог отдать приказ Афганской армии на вооружённое сопротивление. Нужно было его нейтрализовать.

Сухому пайку, что командир предложил взять с собой, Виталий предпочёл дополнительные диски к автомату. «Не до жиру», – распихал диски по карманам. Так поступили все. Напряжение было сумасшедшим, никто не откликнулся на призыв командира принять боевые сто граммов. Четыре бутылки водки и колбаса, нарезанная аккуратными кусочками, остались нетронутыми.

– Мне сейчас даже водка в горло не полезет, – сказал Борис-барнаулец.

Двое выпили валерьянки. Но как сами потом признались: несколько не помогли успокоительные капли.

Ехали к генштабу на двух машинах – «Рафике» и «Волге». Виталий, сидя в «Рафике», вспомнил о детях. Случись худшее, кому воспитывать? Сыну – десять, Лене в марте шесть исполнится. Женился он поздно – в двадцать девять...

Задача перед их группой стояла со многими смертельными неизвестными. В генштабе дежурный взвод охраны ни много ни мало – тридцать человек. Это раз. У Якуба пять

министров, значит, у каждого помощники – тоже профессионалы. Сам Якуб тоже не пиджак – выпускник Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища. Плюс обслуживающий персонал... В сумме ещё человек тридцать наберётся. Все не случайные в армии люди и вооружены. Это два. Метров в тридцати от здания генштаба казарма роты охраны, в которой, как сказал командир, до ста восьмидесяти человек. Это три. При таком раскладе, начнись бой – не обойтись без потерь... Спрашивается, какие при таких перспективах боевые сто граммов в горло полезут...

За окном «Рафика» мелькали картины чужого города. Виталий сидел рядом с Борисом-барнаульцем. Год назад вместе были в Балашихе на курсах усовершенствования офицерского состава – КУОС. «Усовершенствуйся» прыгали с парашютом, закладывали тайники... Конечно, была стрельба, отработка приёмов рукопашного боя, проходили минно-подрывное дело, радиосвязь, совершенствовались в знаниях средств и методов агентурно-оперативной работы, иностранных языков...

Встретились с Борисом как старые знакомые. Час «Ч» – для переброски на территорию противника, час, к которому готовили их долгие годы, наступил для обоих одновременно. Борис, он прекрасно знал английский и испанский, был сосредоточен. Виталий посмотрел на товарища. Вчера он весело бросил:

– В случае чего печально-летального, пенсион какой-ни-

какой всё равно семье назначат.

У Бориса росли девчонки-двойняшки, на два года старше младшего сына Виталия. «Пенсию, само собой, положат, – думал Виталий, глядя в окно “Рафика”, – а Света у меня человек волевой, обязательно детей вырастит... И тёща, конечно, поможет, она молодец...» Подумал так, и сразу легче стало, свободнее... Мысли, гнётом давившие на сердце, отлетели... Чему быть, того не миновать... Толкнул локтем Бориса, тот в ответ подмигнул, дескать, «всё путём, парни». Была у него такая присказка.

Для всех омских друзей-товарищей-знакомых Виталий находился в это время в Москве по служебной надобности. Жена была осведомлена больше. Когда ему три недели назад выдали предписание на командировку в столицу, со Светланой условились, если что из ряда вон, Виталий даст сигнал. Шёл на нарушение, но не мог поступить иначе. Светлана, конечно, не знала всего, собственно, ничего не знала, но догадывалась, что муж не бумажки перебирает в КГБ. Это случилось в первый год их совместной жизни, стояли вдвоём поздним вечером на освещённой тусклым фонарём трамвайной остановке, чуть впереди мужчина в ветровке, сумка через плечо. И вдруг к нему подбежали трое. Один выхватил нож... Светлана не успела понять, что произошло. Муж сделал несколько скупых движений, и все нападавшие оказались на земле. А объект бандитского интереса слёзно просил: «Дяденька, не бей меня! Пожалуйста, не бей!» Хотя с

виду был старше Виталия и его бить никто не собирался.

В начале декабря 1979-го, когда Виталия командировали в Москву, на карте имелось две горячие точки – Афганистан и Пакистан. Интуиция воина подсказывала – возможен один из вариантов. Со Светланой, прощаясь, договорились (как в шпионском романе), если в письме домой известит о родственном визите к тётушке Прасковье – значит, отправили в Пакистан, если же навещал другую виртуальную тётушку – Агафью – он в Афганистане.

В Омск ушло письмо-шифровка с информацией о чаепитии у тётки Агафьи, у которой «пошаливает давление», но «пятьдесят граммов коньячку к чаю приняла с удовольствием». Весточка дошла до адресата. Или родное ведомство Виталия прошляпило, или разгаданный шифр начальство расценило как безобидный пустячок.

Операцию по взятию генерального штаба объявили на девять вечера, но вдруг срочно собрали группу без четверти семь. Определив задачу, командир спросил:

– Какие вопросы?

Виталий поднял с колена руку:

– Заходим в штаб под легендой или с боем?

– Под легендой, – коротко ответил командир.

– Уже лучше, – тихо прокомментировал Борис-барнаулец.

– Для нас или для них? – шепнул Виталий.

– Для всей бражки.

У генштаба вышли из машин, командир тихо бросил:

– Вперёд.

Все восемнадцать человек были без знаков отличия, в защитной форме песочного цвета, на головах кепки с козырьком, их называли кубинками. Командир поговорил с охраной и представил отряд как группу сопровождения высокого руководства, которое пришло на приём к Якубу. В самое пекло пошли те, кто направлялся к Якубу. Это был командующий 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор Иван Фёдорович Рябченко, с ним два его офицера-десантника, четвёртым был офицер КГБ, советник армии Афганистана. Все без знаков отличия.

Группа зенитовцев беспрепятственно проникла в штаб и по два-три человека распределились по зданию. Кому где находиться было обговорено заранее. Виталий с Борисом поднялись по широкой лестнице на последний этаж. Им надлежало держать оборону у министерского буфета.

На площадке стоял боец из охраны генштаба – смуглый верзила. Два не два, но около этого ростом. Охраняли здание в основном пуштуны. Виталий, широко улыбаясь, шагнул к своему «подопечному», протянул пачку сигарет. Сам занял позицию, чтобы просматривался коридор, лестница... Слух ловил все звуки. Площадкой ниже краснодарец Толик Игнатьев усыплял бдительность ещё одному охраннику – громко говорил ему по-английски. Как потом выяснилось – многие афганцы в генштабе знали русский, учились или стажировались в Советском Союзе. «Верзила» взял дружелюбно про-

тянутую Виталием пачку сигарет, это был «Союз-Аполлон», рассматривая рисунок космических кораблей, сказал по-английски «космос», достал сигарету, Виталий чиркнул зажигалкой, подопечный наклонил голову к огоньку, и тут раздался взрыв... Охранник, выхватил револьвер...

В соответствии с планом ровно в половине восьмого группа зенитовцев взорвала в центре города коммутационный узел связи, который обеспечивал секретную телефонную связь с важнейшими военными и гражданскими объектами страны. Он находился в бетонном колодце. Взрыв был сигналом начала операции «Шторм-333», цель которого – свержение правительства Амина.

На следующий день Виталий проезжал с командиром мимо министерства связи, притормозили у воронки – метров десять в диаметре, метров пять глубиной.

Группа выдвинулась к колодцу минут на десять раньше группы Виталия. Как потом рассказывали ребята-подрывники, крышка колодца перед министерством связи была накрепко закрыта. Не канализационный люк – поддел и залазь. Это не смутило зенитовцев. Операция по государственному перевороту прорабатывалась во всех мелочах. Накануне на другом конце города был найден колодец с такой же крышкой. На нём подрывники опробовали специальные щипцы. Не подвёл инструмент и при закладке взрывчатки. Предварительно командир группы подошёл к охраннику, что стоял в будке у министерства. Тот обеспокоено спросил, что за лю-

ди у колодца. На это имелась легенда: душманы ночью поставили мину, сапёры приехали обезвредить. В колодец оперативно заложили пятьдесят килограммов тротила, часовой механизм поставили на половину восьмого... Охранника с будкой взрывной волной отбросило метров на сто. Но остался жив бедолага...

«Верзила», подопечный Виталия, услышав взрыв, выхватил револьвер... Взвести курок Виталий не позволил короткой очередью из автомата. «Верзила» рухнул. Борис-барнаулец закричал:

– Сзади!

Виталий, поворачиваясь, нанёс удар в шею нападавшему. Это был китаец-официант, он прыгнул из буфета. От удара китаец сник. Виталий схватил его за шиворот и сунул в ближайший кабинет, захлопнул дверь. Китаец не сопротивлялся, но оказался шустряком, – мгновенно закрылся изнутри. Сознание Виталия отметило: «Замок клацнул, значит, клацнет, когда станет открывать – услышу».

Позже выяснится сущность официанта. Он был вовсе не мелким подавалой – «отнеси-принеси-приготовь» – кадровый китайский разведчик. Таки ухитрился удрать при выводе из генштаба пленных и передаче их нашим военным.

– Вот тебе и кухня, – прокомментирует Борис-барнаулец сей факт, – в генштабе жучара окопался, мотал себе на китайский ус, что болтают за первым-вторым и компотом афганские генералы, при случае мог легко травануть нужного

человека!

Кстати, Амина и его окружение за обедом притравили в день штурма в соответствии со спецакцией. Но не совсем как планировалось, яд начал действовать не замедленно, а тут же. Поступила команда: вытащить Амина. То Стёпа, то не Стёпа, то отравить, то таскай назад – реанимировать. Послали двух полковника советской медслужбы. Они привели в чувство Амина, реанимировали кое-как, а тут начался штурм дворца. Один доктор погиб... И реанимированного Амина застрелили...

Это станет известно на следующий день...

Подопечный Бориса был пониже, чем у Виталия, но тоже не слабый афганский парень. На звук взрыва обхватил обеими руками Бориса, мешая тому распорядиться автоматом. Борис отшвырнул охранника на лестницу, пуля достала в полёте...

Виталий затолкал китайца в кабинет, повернулся в сторону лестницы и за спиной раздался выстрел, стрелял полковник кановец – контрразведка Амина. Он выскочил из двери напротив, сделал ещё выстрел из пистолета и бросился от Виталия. Виталий достал его короткой очередью. И тут же над головой засвистели пули. Стреляли из дальнего конца коридора. Виталий прижался спиной к стене, рядом была дверь кабинета, осторожно потянулся к ручке, дёрнул – закрыто.

Борис стоял на лестничной площадке, которая не про-

стреливаласьь.

– Ко мне! Перебежками! – крикнул Виталию.

– Иду, – ответил тот.

И остался на месте, что-то подсказало: «Не спеши». Это спасло. Услышав русское «иду», афганец, что сидел в шаге от Виталия, за той самой дверью, которую тот только что дёргал, выстрелил вслепую из АК-47, но рассчитал чётко. Как потом вспоминал Виталий: «У меня шерсть на голове дыбом встала, аж кепчонка поднялась! Не притормози я – черепок бы снесло!» Пули прошли у лица, ударили в стену. Подбежал Борис, схватил массивную вешалку на стойке, выбил филёнку у дубовой двери, Виталий швырнул гранату. Кабинет после взрыва огрызнулся очередью. Виталий бросил ещё одну гранату...

Короткое время раздавались выстрелы в разных концах здания, потом всё стихло. Тишина была обманчивой. Явно, где-то затаились афганцы. Но не все, кто-то посчитал более разумнее поднять руки вверх. Таких оказалось немало, пленных стали направлять к Виталию и Борису, министерский буфет был идеальным местом для них. Внизу оставлять нельзя, охранять такую ораву некому, значит, могут в окна повыскакивать. Операция была продумана до мельчайших деталей, но эта проблема не обсуждалась, инструкций никто не давал. «Обыскивать и связывать», – принял решение Виталий. Чем вязать? Ремни никто не заготовил. Виталий штык-ножом резал ковры и шторы на ленты. Ими связывал. Пред-

варительно обыскивал пленного, затем заводил ему руки назад – несколько быстрых движений и готов. Следующий... Борис с автоматом держал под прицелом несвязанных. Ситуация сверх напряжённая. Пленные, пусть безоружные, и у Виталия автомат на ремне болтается, но если такая масса повалит гурьбой – ничто не поможет. Виталий несколько раз громко, чтобы до пленных дошло, сказал Борису:

– Если начнут – коси очередями! Не жалей меня! Иначе не успеешь!

И на английском повторял.

Через несколько дней Виталий спасёт Бориса. Да и себя. В Кабуле втроём зашли в магазинчик на так называемом Грязном рынке (был ещё Зелёный). Борис с Иваном из Кургана подошёл к прилавку. Виталий предусмотрительно, контролируя ситуацию, остановился чуть сзади. Вдруг клацнул затвор. Виталий ребром ботинка ударил в ногу афганца, тот успел нажать на курок, пуля попала Борису в ягодицу. На этом афганец отстрелялся. Виталий уложил его пулей в голову. Парни потом хохотали:

– Теперь тебе, Борис, выдадут специальную колодку за тяжёлое ранение в задницу!

– Всё путём, парни!

У них, у каждого, было по два патрона для себя. На самый крайний случай. Борис через год попадёт в Афгане в окружение, и эти патроны «для себя» использует по другому назначению – уложит пару духов... А его изрешетят из

автоматов...

Виталий вязал пленных, отправлял их в буфет. Наконец поток иссяк. Борис бросил:

– Сядь, посиди!

А у Виталия руки и ноги задеревенели, пальцы не слушаются. Хотел снять автомат, положить на колени, а рука не поднимается, как не своя... Так и сел к стене с автоматом на шее, и только в этот момент пришло осознание факта: в какую переделку они попали. Если что пойдёт не по сценарию, такая заваруха начнётся в Кабуле...

– Что там? – спросил Борис Толика Игнатъева, который держал свой сектор под прицелом. Толик ничего не знал. В штабе вроде как затишье, но надолго ли, что за стенами штаба – неизвестно. И подкрепления нет. Один пленный зашумел в буфете. В чём дело? Оказалось, приспичило помаленькому. Тут же ещё один выразил аналогичное желание. Виталий повёл их в туалет. Одному руки развязал, а когда тот облегчился, показал дулом автомата: расстёгивай ширинку соплеменнику, который, по-прежнему, оставался связанным. Афганец было возмутился унижительному приказу. На что Виталий, сделав зверскую физиономию, приставил к его груди автомат:

– Быстро!

Дрожащими пальцами афганец расстегнул чужую ширинку, достал прибор... Потом без приказа застегнул штаны...

Виталий вернул облегчившихся в буфет и застал картину:

один из пленных сел на пол и начал с безумными глазами распевать восточные песни. Не выдержал у бедолаги раскудок психологической нагрузки – помрачился.

С опозданием минут на сорок к Генштабу подъехала парашютно-десантная рота. Колонна машин БМД в темноте заблудилась в незнакомом городе, пришла не вовремя и в неполном составе.

Десантники дали очередь из пулемёта по верхнему этажу генштаба, вдобавок для острастки жажнули из пушки БМД. Обозначили серьёзность своих намерений. Выстрелили метко, угодили в кабинет, где находился генерал-майор Рябченко. Десантники едва не убили своего командира. Войдя в здание, десантники начали его зачистку от афганцев, которые решили быть верны присяге до конца. Заговорили автоматы, забухали гранаты.

«Зенит» свою задачу выполнил. Генштаб был нейтрализован, не передал команду в афганские войска на начало боевых действий.

– Насколько знаю, – сказал отец Андрей, – наградами вас особо не отметили.

– Да уж. Дали медаль «За боевые заслуги». Дескать, операция сверхсекретная, нельзя её наградами раскрывать. Будто афганцы сами провернули дело, свергли Амина, а мы здесь ни при чём. Пришли после этого.

«А должны были всем Героя дать за такую операцию», – подумал священник.

– Болезнь привела в храм? – спросил Виталия.

– Да.

Месяц назад у Виталия была обнаружена злокачественная опухоль. В церковь его отправила старшая сестра: «Виталик, надо пойти, ты крещёный, исповедуйся, причастись, надо, дорогой ты мой брат».

Священник прочитал разрешительную молитву, произнёс:

– Целуйте Евангелие и крест, – и добавил про себя: «Спаси, Господи, воина Виталия, исцели его».

Афганский синодик

В Дмитриевскую родительскую субботу Николай Сергеев поднялся рано утром и пошёл в церковь. Под плащом был пиджак с орденом Красной Звезды. Собираясь в церковь, почему-то решил: «Надену». Накануне вечером позвонил двоюродной сестре Марии, она сказала, что в одну поминальную записку можно вписать десять-двенадцать имён. У него получилось шесть записок. Одна с родственниками, остальные заполнил однополчанами. В церкви, в свечной лавке подал записки, купил одну большую свечу, семьдесят две маленькие, начал их ставить.

– Вы весь канун займёте! – сделала замечание подошедшая женщина. – Другим не останется.

Николай пропустил замечание мимо ушей. Женщина пожалала плечами, свою свечу ставить не стала, положила на канун. Николай ставил свечи одну за другой. Зажигал, поднимал голову к большому Распятию, что стояло за кануном, говорил про себя: «Господи, упокой душу...», – крестился, втыкал свечу, зажигал от неё следующую: «Господи, упокой душу...»

За месяц до этого на похоронах дяди запали в сердце слова священника. Перед отпеванием он сказал, что усопший за гробом уже ничего не сможет сделать для своей души, а мы, здравствующие, молитвами облегчаем его участь. Душа

человека, отошедшего от мира земного, чувствует молитвы, возносимые за неё с любовью, благодарна тем, кто произносит их. Души усопших молитвами живых получают утешение и приближаются к Царствию Небесному. У Иисуса Христа нет мёртвых, мы, как клеточки живого организма, взаимосвязаны тысячью невидимых нитей. Живые молятся за усопших, угодившие Богу усопшие пламенеют в молитвах за живых...

За поминальным столом Николай сидел рядом с двоюродной сестрой Машей. Мать Николая про неё говорила: «Маша у нас боголюбивая». И добавляла: «Есть в кого – в мать, сестра моя Варвара такая же была!» Маша на вопрос Николая объяснила: поминая, нужно подавать записки на проскомидию, заказывать панихиды.

– И келейно обязательно молись.

– Это как?

– Дома. Я тебе посоветую составить список, синодик так называемый, в который внеси имена, кого хочешь поминать. Поминай дома, а в церкви подавай записки. Особенно в поминальные дни.

– На Радоницу?

– Не только, кроме родительского дня после Пасхи есть ещё шесть родительских суббот в году. Через две недели Дмитриевская. Церковь в этот день особо поминает всех погибших воинов.

– Во! Это как раз мне.

Вернувшись с поминок, Николай, не откладывая в долгий ящик, достал толстый альбом с армейскими фотографиями, включил компьютер, создал файл с названием «Синодик» и начал листать альбом... Первые его страницы заполняли фото, сделанные в Нижнем Новгороде. Их дивизия была оттуда, тогда ещё Нижний назывался Горьким...

Десять лет назад Николай на День Победы поехал в Нижний Новгород. Позвал его в гости однополчанин Виталька Вербицкий. Девятого мая пошли на кладбище. Виталий повёл по могилам. Пили у памятника командиру батальона, на могилках двух командиров рот, солдат-однополчан. Не нашли командира взвода артиллеристов.

– Никак не могу запомнить, как к нему идти, – сетовал Виталий.

Это были те, кого хоронили в цинковых гробах. Зашли на три недавние могилки. Зампотех батальона умер после второго инфаркта. Приехали с женой из магазина. Вышли из машины, он почувствовал слабость. Жена кинулась к нему: «Что?» – «В груди печёт». Она схватила сумки: «Сейчас занесу...» Пока бегала, вызывала «скорую»... Начальник штаба попал в психушку. Здоровый, крепкий мужик. Вдруг начались наваждения, панический страх. И загремел в весёлую больницу, откуда не вышел до смерти...

Помянули всех и не по разу водкой, а вот пойти в церковь, заказать панихиду – никто не подсказал, а сами и не подумали.

Николай первыми в синодик записал тех, кого поминали на кладбище в Нижнем Новгороде. С ними входил в 1980-м в Афганистан, обустроивал гарнизон под Тулуканом, куда отправили их роту, дивизия дислоцировалась в Кундузе... Николай перелистывал альбом, кого-то помнил ярко, чьи-то имена стёрлись. Витя Плотников на фото стоял в парадной форме в пол-оборота к объективу, дурашливо выпятив грудь. Снимался ещё в Союзе, в учебке. Нос картошкой, большие улыбочивые губы. Где-то в альбоме должно быть фото, на котором они с Витей в халатах, чалмах, на обороте снимка Витей размашисто написано: «Братаны-басмачи».

Виктор был сержантом, Николай – старшиной роты. Виктор прибыл в гарнизон месяца на четыре позже Николая, как-то разговорились после ужина, и выяснилось: отцы у них из одной деревни – Николаевки Верхне-Чебулинского района Кемеровской области. Ни одному, ни другому не довелось побывать на родине предков, а всё равно земляки, что с особым чувством осознавалось под небом Афганистана.

– В Мариинск ездил к тётке в семьдесят восьмом, – рассказывал Виктор, – городок маленький, но пиво делали класс! Тётка звала съездить в Николаевку, на кладбище сходить, деревню посмотреть, наших там никого не осталось, но дом деда, говорят, стоит. Да не получилось сгонять туда.

– Может, мы с тобой родственники? – шутливо предположил Николай.

– Ага, братаны по соседскому плетню.

– Тоже родство.

После того разговора они сблизились, и Николай стал брать Виктора на операции, где требовались люди надёжные, и чтоб язык умели держать за зубами. Операции относились к разряду партизанщины.

Это не входило в прямые обязанности воинов танковой роты, поэтому командиру дивизии докладывали по факту, не вдаваясь в детали. Ночными вылазками не позволяли басмачам чувствовать себя вольготно, предотвращали их нападения, старались предупредительными действиями снизить боеспособность банд, что базировались в данной местности.

Ходили на операции офицеры и надёжные бойцы. Переодевались под местных: халат, на голове чалма, на ногах – носки и калоши. Калоши – самая обувь, во-первых, афганцы носили их зимой и летом, во-вторых, не гремят, как сапоги, мягкий шаг. Тесную связь с тулуканским гарнизоном держал Хаким, командир взвода разведки Афганской армии, соединение которой стояло в Тулукане. Хаким учился в Советском Союзе, хорошо говорил по-русски.

В тот раз Хаким получил информацию: в Тулукан должен тайком прийти главарь одной из крупных банд, что постоянно вела бои при проводке автоколонн, идущих на Файзабад. Банда успешно орудовала на участке Кундуз – Тулукан – Кишим. У главаря в Тулукане был дом, семья. Хаким планировал захватить его и попытаться склонить к сдаче банды, переходу её на сторону Афганской армии. Тем самым превра-

тить врага в союзника. Экономический резон у главаря к такой метаморфозе был. Местный бай, он имел крупный надел земли в окрестностях Тулукана. Да толку от него оставалось с гулькин нос. В результате боёв посева уничтожались, тогда как действуй он со своими бойцами в составе Афганской армии, можно охранять свою землю. Хаким надеялся этим доводом убедить противника. Кто-то из бандитов за хороший куш сообщил о тайном визите главаря домой с минимумом охраны. Шанс для захвата – лучше не придумаешь...

Ходили на такие операции двумя группами по десять-двенадцать человек (в случае засады, одна прикрывала другую), приближались к объекту с разных сторон. По детальной карте Тулукана намечали маршруты. Вели группы афганцы. Только они могли ориентироваться в ночи. Двигались гуськом, впереди афганец, за ним русский, опять афганец и так далее... Темень страшная, хоть ножом ночь на пласти режь. Перед носом ничего не разберёшь. Если вдруг сталкивались с кем-то из местных, в разговор вступали афганцы... Связь между группами велась по рации, была у них мало-мощная, на батарейках. Зажужжало на груди – слушай...

Хаким подвёл группу к дому главаря банды. Связались по рации с группой прикрытия, та заняла позицию с другой стороны дома. В случае заварушки, она должна отсечь пути отхода бандитов, не дать никому ускользнуть за подмогой. Дом охраняли четверо часовых, как правило, с ружьями и автоматами. На шее автомат, в руках дробовик, если что –

первый выстрел из него, площадь поражения большая, какая-нибудь картечина да заденет нападающего, а уж потом в ход идёт калаш.

Хаким отдал команду своему разведчику Матину бесшумно убраться двух часовых, что стояли на крыше со стороны ворот. Не доведись Николаю самому видеть, как Матин метал ножи, по сей день считал бы: в кино монтаж и байки для наивных, когда брошенный рукой нож на раз валит здорового мужика.

Однажды они попросили Матина провести мастер-класс для офицеров роты. На территории гарнизона стоял старый разваленный без крыши афганский дом. Приличной площади. В нём и собрались офицеры. Принесли широкую доску метра полтора длиной, нарисовали мишень – контур человека во весь рост. Матин отошёл в дальний конец комнаты. Головой вопрошающе кивнул, дескать, куда попасть. По-русски он не говорил, немного понимал.

Мужики есть мужики, что там сердце заказывать или другую прозаическую область.

– В яйца! – ткнул пальцем кто-то.

Матин улыбнулся, и нож стрелой вонзился между ног, в самую точку схождения линий.

– В голову, – последовал новый заказ.

Короткое движение руки, узкое лезвие сверкнуло на солнце и впилося в центр кружка головы.

Матин метал из любого положения. Сел, ноги под себя, в

руках пусто. Можно рисовать картину: мусульманин погружён в думку за жизнь. Лицо бесстрастно, окружающее ни на копейку не интересуется. Доля мгновения и нож снова в мишени. Ножи держал на широком поясе, что афганцы носят под халатом. Одинаково хорошо метал, что правой, что левой рукой, она ныряла под халат и... цель поражена. Ещё один трюк. Показав на свою шею, Матин встал на четвереньки, боком к мишени, нож валяется на земле.

– Ему главное дотянуться, – прокомментировал Хаким. – А дальше только пуля может остановить.

Неуловимое движений – никаких прицеливаний – и кованая сталь смертельно пронзила шею условного противника. Матин встал спиной к мишени, рука с ножом пошла вместе с поворотом головы... И снова не осталось шансов у жертвы...

Николай вызвался попробовать. Матин подал тяжёлый с отполированной деревянной ручкой нож, лезвие заточено с одной стороны. Николай бросил и чуть задел край доски... Метнул второй раз, опять мимо.

– Тебе только по танкам метать! – прокомментировал ротный.

Матин заулыбался, что-то сказал. Хаким перевёл:

– Предлагает вместе бросить.

Матин взял руку Николая с ножом, отвёл для броска.

– Вовремя отпусти, – предупредил Хаким.

Нож попал в грудь мишени. Николай вытащил нож, поцокнул языком, пробуя пальцем сталь.

Матин заговорил по-своему, Хаким пояснил:

– Предлагает сделать для тебя, он закажет хорошему кузнецу.

Николай отказался, в Афгане такой нож не нужен, в Союз не провезёшь, отберут при досмотре...

Часовых у дома главаря надо было снять без выстрелов, чтобы не всполошилась охрана. Матина подсадили, он перемахнул через дувал и скрылся в темноте. Минут пятнадцать не подавал о себе знать. Николай уже стал нервничать. Наконец Хаким дёрнул его за руку.

Матину Хаким приказал следить за двумя оставшимися часовыми, что стояли по другую сторону дома, если что пойдёт не так, снять их ножами. А они пошли в дом, ворота Матин открыл изнутри. Хаким предупредил до операции: главарь будет на левой стороне дома – мужской, женская половина справа в афганских домах, оттуда никакой опасности. Так и оказалось, даже после выстрелов, женская половина никак не отреагировала.

В доме находился главарь банды и трое его помощников. Всё произошло настолько быстро, бандиты не успели дёрнуться, как оказались под дулами автоматов. Помощниками главаря, как сказал Хаким, были старейшины. Но за бородами азиатов поди разбери их возраст. Хаким, с пистолетом в руке, стал что-то спрашивать у главаря, тот упрямо замотал головой «нет». Хаким прострелил ему одну ногу, затем вторую. Направил ствол в голову. Главарь зло прокричал. Ви-

димо, обидное. Хаким выстрелил в лоб.

Позже Хаким скажет, что склонить к переходу мог только главаря, работать с помощниками не имело смысла. С двоими покончил сразу – выстрелами в голову. Третьему, бросая что-то резкое в лицо (подумалось, мстительное), прострелил колено, видимо, хотел, чтобы помучились перед смертью, потом – руку. Затем жестом приказал своему бойцу добить пленника.

О судьбе Хакима Николай узнает после дембеля. Хаким был человеком смелым и решительным. Однажды в одиночку с мелкокалиберным пистолетом испанского производства ASTRA преследовал нескольких душманов. Не побоялся. Двоих застрелил, одного взял в плен, один удрал. В фотоальбоме у Николая было несколько снимков с Хакимом. Повосточному красивый мужчина, мужественное лицо. Воин. Его дом стоял в центре Тулукана. Через два года после того как Николай демобилизуется, бандиты в ночной вылазке забросают дом Хакима гранатами. Погибнет хозяин и вся его семья. Матин уйдёт из Афганской армии, создаст свою банду и будет действовать на севере от Тулукана. Оказывается, он примкнул к Хакиму по соображениям родства, был каким-то его родственником, а до этого воевал заодно с душманами. И снова переметнулся на их сторону.

Месяца через два на ночной вылазке Виктор спас Николая. По узкой улочке Тулукана они шли последними в группе, видимость ноль. И вдруг Николай от богатырского толч-

ка полетел на землю, рядом упал Виктор и тут же над ними просвистели пули, заговорил автомат, за ним другой. Виктор с колена начал отвечать басмачам. К нему присоединился Николай.

– Уходим! – раздался в темноте голос ротного.

Они побежали обратно.

– Слушай, братан, а как ты просёк этого бандита? – спросил Николай, когда вернулись в гарнизон. – Я вообще не понял, что к чему, вдруг лечу...

– Увидел тень на крыше. Как раз напротив нас.

– Ну и глаза у тебя! Как у совы! Если бы не ты...

Сам Николай только и смог – сохранить тело Виктора, не дать на поругание. Да и то не совсем... Это было днём, они попали в засаду на дороге. Басмачи прижали к горушке, «небольшой балде», как говорил ротный. Слева от «балды» тянулась зелёнка, там был арык. Виктор прикрывал фланг, граничащий с зелёнкой. Николай услышал, как замолк его автомат. Посмотрел в ту сторону, ничего не понял и снова начал стрелять из-за колеса БТР по басмачам, что залегли метрах в ста пятидесяти за дорогой. Они хотели подойти вплотную, Николай не давал им поднять голову.

Когда посмотрел в сторону Виктора, сначала глазам не поверил: двое наших солдат волокли его за руки в сторону зелёнки. Откуда они взялись? И тут же дошло: басмачи переодетые. Дал в их сторону пару очередей. Они бросили Виктора и рванули под защиту зелёнки. Одного Николай заце-

пил, тот побежал прихрамывая.

Басмачи начали уходить, лишь раздался в небе грохот вертушек. Вертолёт дал два залпа. На этом бой закончился.

Виктор лежал на спине. Пуля попала в щёку. Даже под огнём басмачи думали о барыше, правого уха у Виктора не было – отрезали для получения денег за убитого шурави.

Николай набрал в синодике: «Виктор». И чуть было не добавил ниже: «Инсор». Вовремя остановил руку. Какой Инсор? Нет такого христианского имени...

Хадиев прилетел в гарнизон на вертолёте из Кундуза, представляясь, назвал татарское имя и тут же добавил:

– В дивизии звали Иваном.

Так и пошло. Механиком Инсор-Иван был классным, и в бою видел вокруг себя на триста шестьдесят градусов. Было дело, под огнём траки у БМП ремонтировал. Николай, если имелся выбор, предпочитал на операции ездить с Хадиевым.

Вспоминая Инсора, видел ту рыбалку. Среди войны вдруг случился праздник. Вот уж подурачились пацаны-солдаты, да и он, тридцатилетний дядька, не отставал от них. В арыке, что протекал вблизи гарнизона, никакой рыбы не водилось, зато километра через три он впадал в хорошую рыбную речушку. В тот день Николай решил разнообразить порядком надоевший солдатский рацион деликатесом – свежей рыбкой. Командир батальона не мог не предупредить, давая добро:

– Только смотри там!

Николай после обеда отобрал пяток солдат, запрыгнули в БТР и стартанули.

Рыбалка не с удочкой и поплавком, червячок в качестве наживки – забросил и жди поклёвки. Некогда прохладиться-загорать под палящим солнцем Афганистана. Подход к путине сугубо военный, почти по схеме: упал – отжался. Наживка из разряда – кричи ура, кидай гранату. Ураканьем не стали оглашать процесс заброса снасти, пару гранат швырнули в поток. Ошарашенная акустическим ударом рыба, она походила на форель, показалась на поверхности. Килограммов пять всплыло.

С победным гиканьем воины бросились в холодную воду собирать улов. Солдаты хватали рыбу, бросали на берег, бросались ею. Ну как же не пошалить в своё удовольствие. Двое устроили водное поло, отдавали друг другу пасы рыбиной, прежде чем швырнуть на берег. Глубина с метр. Вода обжигающая. Это не останавливало. Окунались с головой, плавали, подбадривая себя сочными матерками. Над рекой стоял гвалт.

– Ванька, лови! – то и дело кричали Хадиеву, он собирал в ведро рыбу на берегу. С силой швыряя форель, норовили использовать Инсора в качестве мишени.

Николай не останавливал солдат, он и сам, прежде чем схватить рыбу, плюхался с головой, снова и снова получая возбуждающий удар холодом. Сверху нещадно палило солнце, давило жаром, восторженным контрастом встречала ле-

дяная вода.

– Может, ещё гранатку бросим! – предложил Хадиев.

– Прямо сейчас, чтобы получилось, как в том анекдоте: всплыли три карасика и два водолазика?

В этот момент со стороны кишлака раздались автоматные выстрелы. За рекой, метрах в двухстах от берега, стоял этакий афганский хуторок. Как раз напротив места, где рыбу глушили. Оттуда ударил автомат. Затем кто-то саданул из бура, эта английская винтовка в хороших руках была прицельно на километр и более. «Похоже, не басмач-одиночка», – подумал Николай, он был ещё в воде и первым делом посмотрел за спину. Афганцы могли отвлекаясь стрелять с одной стороны, ты в ответ туда стволы направляешь, а дальше ситуация по пословице: «Где не чаешь, там получаешь!» Басмачи с тылу открывают плотный огонь. На этот раз позади никого не было.

– В машину! – крикнул солдатам.

Автоматы лежали на берегу, Николай схватил свой и вместе с бойцами побежал к БТР. Ничего не стоило на нём переправиться через речку и двинуть на хутор, но глупо было рваться в бой, никого из басмачей они, это девяносто девять процентов из ста, не застанут. Те спокойно уйдут в горы, окружающие кишлак, и растворятся под их защитой.

Хадиев не бросился со всеми к БТР, схватил автомат, упал за камень и очередь за очередью начал отправлять за арык.

– Ваня, в машину! – кричал Николай. – Быстро! Уходим!

Хадиев с ведром рыбы прыгнул в люк.

– Ты чё?

– А вдруг гранатомётчик.

Это Николай должен был предусмотреть сам. Инсор старался сбить басмачей с прицельного огня, помешать гранатомётчику, если он был среди них, занять позицию, подождать пока шурави сядут в БТР и выстрелить.

Хадиев так и погиб на операции под Кунудузом. Гранатомётчик подбил танк, сгорели трое. Николай узнал об этом, вернувшись из отпуска. Останки танкистов, как сказал ему знакомый старшина в Кундузе, опознать перед отправкой «груза 200» не удалось. Неизвестно, кого хоронили родители Инсора на кладбище под Казанью: его или Пашу Савельева, а может, Игоря Васильева...

Николай долго думал, как писать? Сестра Мария сказала, что в записках, все должны быть крещёные. И вдруг «Инсор»...

На ту рыбалку они фотоаппарат не брали. Зато осталось фото, сделанное сразу после неё, уже в гарнизоне. Фотографировал Игорь Васильев, командир экипажа. Инсор на снимке по пояс голый, руки широко разведены, и в каждой по рыбине.

– Война всех нас окрестила, – разглядывая фото, сказал вслух Николай, и пальцы его коротко пробежали по клавиатуре компьютера: «Иоанн», следом набрал в синодике: «Павел, Игорь».

Недавно в интернете в «Одноклассниках» Николая нашёл Андрюха Горохов, весёлый парень из Рыбинска. Он переписывался со многими боевыми товарищами. Сообщил о тех, кто умер или погиб на гражданке. Ещё в конце восьмидесятых убили в драке Лёшку Запольского. Толика Репина нашли задушенным. Он в девяностые годы спился. Застрелился ещё один Толик – Завьялов. «Или помогли», – написал Горохов. Толика, надёжного, рассудительного парня, в армию призвали сразу после техникума. В середине девяностых, как написал Горохов, Толик занялся строительным бизнесом, два года назад застрелился...

К одному из своих писем в «Одноклассниках» Горохов прикрепил фото командира взвода Жору Светличного – в парадном кителе с лейтенантскими погонами, под снимком информация о боевом пути танкиста и его гибели в боестолкновении с душманами. Снимок Горохов скачал с сайта военного училища, которое окончил Жора. Николай подумал и решил не писать Горохову о реальной истории гибели Светличного. Раз не в курсе, то и ни к чему знать. Николаю о гибели Жоры рассказал Саня Орлов. Через год после отъезда Николая в Союз в гарнизоне началась чехарда с командирами. Командир батальона уехал в академию, исполнял его обязанности начальник штаба, который чаще сидел в Кундузе, чем в гарнизоне. Без жёсткой руки комбата офицеры расслабились. Как чувствуя, что такое не исключено, комбат перед отъездом взорвал самогонный аппарат. Был та-

кой нештатный агрегат в гарнизоне, которым пользовались не часто и строго по разрешению комбата. Однако с его отъездом офицеры и без самогонного аппарата находили возможность по вечерам устраивать в гарнизоне карточно-рюмочный дом. Авантюристичный Жора однажды на спор ночью пошёл по руслу реки из охранения моста (стоял по дороге в Тулукан) в гарнизон. Дескать, я такой агент 007, что пройду незамеченным через все посты. Подошел к охранению гарнизона со стороны реки и получил пулю от своих.

В эту печальную историю Николай не стал посвящать Горохова, зато написал ему о Сане Орлове... И послал фото, на котором Николай и Орлов сидели на броне Саниного Т-72. Саня называл свой танк «Тигром». На башне нарисовал тигриную морду. Командир батальона ворчал: «Какой-то цирк у нас!» – но ворчал не сильно! «Тигр» воевал достойно.

С Саней Орловым, лейтенантом-танкистом, они воевали полгода. И сдружились навсегда. После первого своего боя Саня честно признался Николаю:

– Когда началась заварушка и вспыхнул впереди бензовоз, ударил с горы пулемет, только тогда понял, насколько здесь серьёзно! Вроде не пацан-первогодок, столько лет в училище воевать учили, а тут мандраж в коленках!

Николай хотел было поинтересоваться: «Не пожалел, что в штабе не остался?» Но не спросил, сдержался. Орлов сам сказал:

– В голове промелькнуло: вот дурбень, окопался бы в шта-

бе и никаких стрессов.

Саня попал в Афган после танкового училища. Сам напросился. Объяснил Николаю так:

– Думал: раз я воин и есть война, а Родина говорит «надо», буду последней сукой, если не возьму под козырёк!

Оставил дома беременную жену. В Кабуле, как прилетел в Афган, встретил однокашника по училищу, на два года раньше выпустился. Вместе играли за сборную училища по баскетболу. Однокашник стал зазывать Саню в штаб:

– Не дури, давай к нам, оставайся! Командиру представил тебя должным образом, он даёт «добро», как раз есть вакансия!

Кипучая Санина натура требовала реальных боевых действий. Быть на войне и просидеть в штабе – не его тема.

– Куда ты лезешь? – убеждал однокашник. – Кому это надо? Хочешь в цинке домой вернуться?

Ни с кем из друзей не было Николаю так хорошо, как с Саней. И когда начинал сыпать шутками, смеяться... Здорово он умел смеяться. По-доброму! И когда пел... Да и просто посидеть с ним, покурить, помолчать было хорошо... Солнечный человек! И по жизни, если надо помочь кому, не будет мелочно прикидывать-высчитывать – как бы самому боком не вышло. Нет, Саня бросался помогать, не раздумывая... И не бил себя потом в грудь: какой молодец. А уж балагур, заводила... Солдаты любили за оптимизм, за то, что не унижал... В бою случалось крыл матом – уши заворачива-

лись... Но это в бою... И не подставлял воинов, спасая свою шкуру, берёт подчинённых...

Его ранило в плечо дней за пять до отъезда Николая в Союз. В Кундузе Николай зашёл в госпиталь. Саня был бы не Саня, кабы не стал и здесь своим человеком. Они сидели в теньке, мимо прошла медичка, по её взгляду, по тону, каким что-то на ходу бросила Сане, Николай понял: дело нечисто.

– Как тебе? – подмигнул Саня.

Через двадцать пять лет покажет фотографию:

– Чё скажешь?

На фото стоял молодой Саня на фоне египетских пирамид. В джинсах, белой футболке. Николай удивится:

– Когда это ты к фараонам ездил? И мне не рассказывал.

– Да это сын мой!

Вернувшись из госпиталя в гарнизон, Саня раза три-четыре вырывался в Кундуз. Однажды медичка призналась: беременна. Саня возьми и брякни:

– Да тут отцов-молодцов полный госпиталь.

На том расстались. Через много-много лет Саня получит по интернету письмо от двадцатипятилетнего сына. Сомневаться в отцовстве мог только слепой на все глаза.

– Сволочь я, конечно! – казнил себя Саня. – Всегда хотел сына! И с Галкой, и с Надюхой... А рождались дочери. Здесь сын. Но рос без меня. Как ни крути, чувствовал себя парень ущербным – нет отца! Казалось бы, не ребёнок уже, мужик, а искал меня... Ну, да ничё – главное нашёл, и теперь к двум

дочерям сын прибавился...

Женился Саня после училища.

– На последнем курсе у меня был мопед, – рассказывал в Афгане. – Колёса, руль сниму, в каптёрке распихаю по углам... Как ехать к Галке – соберу и в самоход. Оденусь по гражданке... Домой заеду, матери лапши навешаю: за хорошую учёбу и отличную военно-политическую подготовку поощрён увольнением. У Галки до полуночи проторчу и опять на мотодране газую в училище... Был в заборе тайный ход...

Галка вытащит Саню из первого заключения. После Афгана офицеров, кто выжил, отправляли в гражданские места, Саня попал в Прибалтику и, прослужив четыре года, схлестнулся не на жизнь с командиром полка.

– Натуральная мразь! – рассказывал. – Я бы не ушёл из армии, если бы не эта падла... Редкая гнида! Его бы к нам в Афган, в гарнизон! Так и говорил ему: «Ты бы в штаны наложил в первом бою! Шкура!» Подлая, трусливая душонка...

Времена грянули перестроечные, подлые, из армии делали козла отпущения, Саня написал рапорт. Послужил, дескать, повоевал, а теперь идите вы подальше мелкими шагами... И надумал напоследок (тормоза после Афгана ослабли) изошрённо досадить командиру полка, чтоб запомнил надолго... Проник к нему в гараж и распилил кузов новенькой «Ауди» надвое. Иномарки в ту пору были редкостью. Полковник приложил титанические усилия, осуществляя мечту. Саня по ней безжалостно прошёлся «болгаркой». Была одна

машина – стало в два раза больше. Окончив операцию размножения, прыгнул в свои «Жигули» и рванул домой, в Новосибирск.

На Санину беду, полковник быстро обнаружил расположенную «Ауди» и пустился в погоню. Детективное кино. Со смертельным исходом. Саня, уходя от преследования, сбил человека. Жена Галка сделала всё, чтобы мужу дали как можно меньше. Судил его военный трибунал, рапорт-то Саня подал, но из армии ещё не уволили к моменту происшествия. Галка женщина умная и деловая, врач санэпидстанции, она в Прибалтике быстро сделалась уважаемым специалистом, обзавелась нужными знакомствами. Сначала приложила максимум усилий, чтобы Саня получил по минимуму, а потом добилась его перевода в колонию под Новосибирск.

Знавшие Саню верили безоговорочно, когда он рассказывал о годах, а было их четыре, проведённых в колонии:

– Как в пионерском лагере. Играл на аккордеоне, резался в волейбол и большой теннис. Пошустрил, чтоб корт заделали классный!

Его неуёмная натура и за колючей проволокой была нарасхват. Возродил работу зековской самодеятельности, проводил спортивные соревнования. Через четыре года Саня вышел из заключения полностью свободным в полностью свободную Россию. Где царили свобода предпринимательства и бандитизма, тесно сплетаясь друг с другом.

Галка с Саней жить больше не захотела. «Он из Афгана, –

объяснила своё решение, – вернулся другим, ещё больше после колонии изменился...» Она познакомилась с американцем и отбыла с дочерью за океан в страну со статуей Свободы.

Саня не стал делать трагедии из поступка жены, к которой гонял когда-то на тайном мопеде, женился во второй раз. Женщина попала хваткая, как раз под новое время. Саня тоже парень энергичный, занялись на пару эстетичным бизнесом – мехами. До полной картины следует добавить – энергия Санина энергией, но никто иной как Галка хорошо помогла деньгами на открытие дела. Хоть жизнь врозь пошла, а мужа-Саню в отставку подчистую отправила, всё одно не записала в чёрный список. Отдадим ей должное – помнила всё хорошее...

У второй Саниной супруги за прелестными плечиками, точёной фигуркой имелось высшее торговое образование. На этом поприще собаку съела ещё в бытность СССР. И женщина со вкусом. Ну и Саня тоже не из тех, кто слаще морковки ничего не видел. Кроме всего прочего и ростом вышел, и лицом. Что немаловажно в таком бизнесе. Бывало, и сам снимался в роликах, рекламирующих меховые изделия собственного салона. «Тряхну-ка стариной!» – говорил, делая проход перед камерой. Стильно получалось. На таком брутальном мужчине любая вещь выигрышно смотрелась, тем более настоящий товар...

Надежда не одиночкой жила, повстречав Саню. Он увёл

её от живого мужа. Впрочем, такая женщина сама кого хочешь, от кого пожелает умыкнёт. Мужа оставила, дочь забрала. Вскоре вторую на радость папы-Сани родила. Серьёзную семейную жизнь повели. С Саниной головой, контактностью, обаянием и пробивной силой меховой салон быстро пошёл в гору. Надежда наладила контакты с итальянскими модельерами, закупили европейское оборудование... Салон не тулупы армейские и полушубки для извозчиков выпускал. Всё по высшему разряду. Саня попал в обойму предпринимателей, за которыми охотятся журналисты, которых зазывают на телевидение. У Николая хранится журнал с очерком на целый разворот об успешном бизнесмене Орлове. На одном фото Саня в элегантном костюме с ярким галстуком, второй снимок чёрно-белый. На фоне Т-72 три воина: Саня, на голову выше всех, обнял за плечи Николая и командира роты – Влада Рощина.

Саня четыре раза собирал однополчан. Выглядело это обычно следующим образом, Саня звонил и категорично рубил:

– Хорош диван окороками давить, надо встретиться.

По тону было понятно – не мечтательный настрой у друга. Не минутный порыв: надо бы когда-нибудь, где-нибудь, повидаться. Тут хватай сумку и вперёд, не раздумывая. Отговариваться бесполезно. Всё равно вырвет согласие... Рошин приезжал из Красноярска, Николай – из Омска, были ребята из Тюмени, Екатеринбурга... Человек по десять со-

биралось. Саня вывозил за город, один раз в уютный пансионат, два раза на турбазу, один раз дачу арендовал... Парились в баньке, выпивали, вспоминали, поминали... Саня, с его неукротимой энергией, готов был для друзей вывернуться наизнанку...

– Мы такой кусок жизни прожили бок о бок, – говорил, – жаль теперь вразброд... Но надо собираться! Обязательно надо! Детей бы ещё перезнакомить, им дальше жить, как бы хорошо, чтобы помогали друг другу...

Саня баллотировался в Законодательное собрание области. И прошел бы... Всё у него складывалось на пять с плюсом... И вдруг минус... Бывший супруг Надежды задался целью забрать дочь себе. Действовал по классической формуле: лучше пусть мне будет хуже, но не допущу, чтоб жена в своё удовольствие жила! Не мог смириться с фактом – его предпочли другому. Нанял хорошего адвоката, тот со своей стороны напел обиженному женой, дескать, таких, как Орлов, надо наказывать.

Саня пытался полюбовно уладить конфликт, дескать, замяём для ясности без всяких судов, некогда нам сутяжничать. Брошенный муж упёрся: нет, нет и нет. Ошивался около их дома, подкарауливал дочь, пытался забирать её из садика. Скандалил. Сане надоело дипломатию разводить – жена нервничает, дочь дёргается. Формируя охрану фирмы, он далеко ходить не стал, набрал с кем сидел. Николаю объяснял:

– Не мог их бросить, вышли мужики после отсидки, работать негде, жить не на что, люди ведь... Двое наших – афганцев. Ну и взял к себе.

Афганцев и попросил припугнуть упрямца. Дать понять, что будет несладко, если продолжит тупить на своём. Афганцы объект воспитания подкараулили, впихнули в машину, увезли километров за сто. И переборщили, увещевая. Так стукнули по голове, что бедняга испустил дух. Ничего не оставалось горе-воспитателям, как засунуть труп в стог сена и поджечь... Крематория бесследного не получилось...

Саня за организацию преступления получил десять лет колонии строгого режима. Николай ничего не знал, вдруг получает фото с подписью: «Монастырь “Отдых”». Сразу не понял, что за юмор? Покрутил фото, начал читать письмо... Оказывается, «монастырь» за колючкой. Выглядел на фотографии Саня вполне, даже чересчур: загоревший, как с приморского санатория... Однако вскоре до Николая дошла информация: друг заболел, онкология. На этот раз Сане помогла двоюродная сестра первой жены – Наталья. В лучшие времена дружили семьями: Саня с Галкой, Наталья с мужем на машинах ездили по Алтаю, Горной Шории. Наталья как заведующая терапевтическим отделением городской больницы подняла медицинские знакомства, добилась серьёзного обследования. Спасти Саню могла только дорогостоящая операция. Вторая жена Надежда к тому времени на нём поставила крест, весь меховой бизнес прибрала к рукам. Саня,

как жареным запахло, быстренько всё на её родственников переписал. Надежда денег не дала на операцию. Выручили знакомые афганцы-москвичи с условием: «Потом отработашь!»

Саня пошёл на поправку. Дело было настолько серьёзным, что заново пришлось учиться говорить. После операции Николай с трудом разбирал его речь в телефонной трубке. Грешным делом думал: всё. Плохо верилось в правдоподобность Саниного «прорвёмся», которое он произносил с большим трудом. Но друг выкарабкался. Ему скостили срок, по выходу из колонии сразу перебрался в Москву – надо было отрабатывать операционные деньги. В столице быстро освоился. По праздникам перезванивались с Николаем. Как-то звонит в своей манере:

– Слушай, мы полтора года не виделись! Срам и позор! Хватай ноги в руки, проезд оплачиваю, приезжай! Найди на самолёт в одну сторону! Здесь всё верну! Помнишь, как в песне поётся: «А жизнь короткая такая!»

Отказать другу было невозможно. Николай прилетел на три дня. Саня был таким же весёлым, кипучим... Через полгода встретились в Новосибирске, вот тогда Саня не понравился Николаю. Худой, усталый.

– Выматываюсь что-то, – пожаловался в один момент. – Но прорвёмся, дружище!

А потом загремел в больницу...

На похоронах жён не было. Галя прочно обосновалась в

США у нового мужа. Надежда тоже вышла замуж... Убивалась по Сане какая-то женщина. Убивалась без показухи. Вдруг рухнула в плаче на могилу... Мать так не рыдала... На поминальном обеде Николай выяснил, с этой женщиной Саня познакомился в больнице ещё до операции. Хирургическая медсестра, бросив всё, она приехала к нему в Москву, да Саня отправил обратно. Нормального жилья не было, и, видимо, не питал Саня чувств. А она любила...

В Дмитриевскую родительскую субботу Николай терпеливо отстоял литургию и, поразмыслив, остался на панихиду. Её заказал по родителям, бабушке, недавно умершему дяде. Хотел продиктовать, насколько хватит денег, погибших однополчан, женщина, вписывающая имена, спросила:

– Все отпеты?

Откуда он мог знать? Скорее всего, нет – советское время... Саню не отпевали, это Николай знал точно... Сестра Мария позже просветит: погибшим в Афгане можно заказывать панихиду – убитых на войне отпевают на небесах. Но тогда он этого не знал...

Николай отошёл от свечной лавки. В храме было торжественно, солнечные потоки, вливаясь в высокие окна, наполняли устремлённый к куполу объём золотистым светом, омывали пятиярусный иконостас...

– Извините, – раздался за спиной тихий голос, обращалась к нему женщина в белом берете, – извините, я слышала, как вы заказывали панихиду. Я вам посоветую, когда священник

будет на панихиде читать имена ваших близких, повторяйте про себя неотпетых, это ведь келейно получится, а келейно можно...

Николай поблагодарил женщину кивком головы.

На панихиду у кануна собралось человек двадцать, священник (крупный, подвижный) низким голосом творил молитвы, кадил, Николай стоял с горящей свечой в руке сразу за клирошанами и после того как священник, читавший скороговоркой имена, дошёл до его родителей, бабушки, дяди: «Андрей, Зинаида, Евдокия, Пётр...», – Николай произнёс про себя: «Александр»... И непроизвольно дёрнул голову влево, оттуда вдруг его накрыла волна, которую не мог ни с чем спутать. Только от Сани исходил такой напор радости, любви, уверенности... Николай почти физически ощутил присутствие друга, его притягательную силу, его оптимизм, ураганную энергию, будто Саня – большой, красивый, с солнечной улыбкой – стоял рядом...

Закончилась панихида, свечу, что Николай держал в руке, он поставил на канун, перекрестился... В голове звучало: «Вечная память, вечная память...» На душе было светло и покойно...

Псевдоафганец

Лёня был из вралей. Познакомил нас инок Роман. Сам он крестился, когда было за сорок. Технарь по образованию, кандидат наук, преподавал в вузе. В православие пришёл основательно, принял иноческий постриг и решил для себя: если ты встаёшь на монашеский путь, должен служить Богу всегда и во всём: словом, внешним видом, поступками. Все другие наряды, кроме подрясника, исключил из гардероба. Ректору вуза сей дресс-код не понравилось. Поставил условие: или читай курс в светском костюме, или нам придётся расстаться. В нашем, якобы демократическом государстве, это обычное явление. Как чёрт ладана (скорее, так оно и есть) боятся директора школ, учебных заведений разного уровня проявления приверженности к православию. Слава Богу, нательные крестики не запрещают, но прийти священнику в школу на урок или в вуз на встречу со студентами – тысяча причин найдётся отказать. Нет, нет и нет.

Роман на «или-или» ректора, выбрал второе и ушёл из института. Согласитесь – поступок. В принципе, мог на лекции надевать светский костюм. Нет.

Жизнь свела нас с Романом в однодневной паломнической поездке, я вручил ему свою книжку, обменялись телефонами, через какое-то время он позвонил, сказал, что рассказы про Афганистан понравились, и сообщил: его сестра,

фельдшер, была там. Тема войны, как известно, одна из вечных в поэзии, прозе и драматургии, я попросил Романа сестри с сестрой на беседу.

Роман позвонил на следующий день и, сообщил: нашёл для меня афганца. Дескать, на ловца и зверь бежит. На автобусной остановке подошёл к Роману мужчина в камуфляже и попросил благословение. Принял инока за иерея. Роман ситуацию прояснил, в коротком разговоре незнакомец обмолвился об афганском прошлом, Роман тут же предложил афганцу встретиться с писателем.

«У меня есть что рассказать», – сказал мужчина.

Но оказался вралём.

Слаб человек. С подобным приходилось столкнуться однажды в среде ветеранов Великой Отечественной. Попал на мероприятие, посвященное битве под Москвой. Прямитель ветерана, который красочно рассказывал со сцены о боях под Москвой в сорок первом, как героически защищала столицу его часть и он в том числе. К началу речи ветерана я припоздал, фамилию не услышал, но заинтересовался, решил взять на заметку, вдруг пригодится. Шли нулевые годы XXI века, ветераны, кто воевал с немцами на западном фронте, уходили один за другим. На первый план выдвинулись, кому досталось участвовать в краткосрочной войне с Японией в сорок пятом. До этого были они в тени тех, кому выпало держать оборону Сталинграда, ходить в атаку на Курской Дуге, кто освобождал Харьков, Киев, Минск, прошёл Польшу, Ав-

стрию, Чехословакию, брал Кенигсберг, Берлин. Таких воинов Великой Отечественной становилось меньше и меньше.

И вот один из них, причём в силе и светлой памяти. Решил взять у него телефон, однако защитник Москвы куда-то исчез по окончании торжественной части. В вестибюле стояло несколько ветеранов с медалями, орденами на пиджаках. Я подошёл к одному, спросил фамилию, интересовавшего меня фронтовика.

– Бабочка что ли? – скептически скривился ветеран и вдруг жёстко добавил: – Не верьте ему! Врёт он! Никакой не защитник Москвы! Я ему так и сказал. Видите, убежал... Трепло! Он с двадцать третьего, их год призвали в сорок втором. Какую Москву мог защищать? Я ему когда-нибудь морду набью! Трепло несчастное! Воевал ты, никто не отрицает, но зачем приписывать себе, чего не было!

Не сказать, что я сходу поверил категоричному фронтовику. Его награды говорили: воевал по-настоящему. Грудь украшали два ордена Великой Отечественной войны, орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За взятие Бухареста», и большой набор юбилейных. Серьёзный ветеран. Да мало ли по какой причине пробегает чёрная кошка между людьми, возникает личная неприязнь. Больше про Бабочка ни у кого спрашивать не стал, а фамилию запала в память.

История с Бабочкой продолжилась лет через восемь. Мне позвонил девяностолетний ветеран Великой Отечественной,

назовём его Виктором Мефодьевичем Доминым, попросил написать предисловие к его книге. Кто-то порекомендовал меня в качестве эксперта, дал сотовый телефон, отказать я не мог. Подумал, ладно, почитаю, а там видно будет. Попросил электронную версию книги, жил ветеран в городке Нefтяников, ехать за рукописью на другой конец города, терять полдня, не хотелось. Ветеран согласился, книга уже была набрана в издательстве. Оттуда прислали текст.

Материал был вполне, я с чистой совестью написал предисловие, позвонил Виктору Мефодьевичу, поговорили о книге, несколько моментов мне очень понравилось. Вызывало уважение обстоятельство, Виктор Мефодьевич писал исключительно о других. Это были не мемуары, а ряд очерков о ветеранах войны, их боевом пути. Домин скрупулёзно собирал материал, беседовал с фронтовиками, изучал документы. Поставил перед собой задачу рассказать о людях своего поколения, земляках, прошедших войну, о ком никто не расскажет. Тема Великой Отечественной после развала Советского Союза потеряла актуальность у газетчиков, мимоходом вспомнят перед Днём Победы, и опять на год забудут. Человек более чем преклонного возраста, Виктор Мефодьевич являл собой пример труженика-летописца. Это была его четвёртая книга. Заканчивая разговор, я вспомнил о Бабиче.

– Он пять лет назад умер, – сказал Виктор Мефодьевич, – а почему им заинтересовались?

Я рассказал о торжественном заседании, посвящённом го-

довщине битвы под Москвой, ситуации в которой познакомился с Бабичем и отзыве ветерана о нём.

– Не очень хорошая история, – с неохотой, как мне показалось, заговорил Виктор Мефодьевич. – Я ведь для предыдущей книги написал большой очерк о нём. Но не поставил. На самом деле, насочинял. И человек-то неплохой, много испытал, но в конце жизни настолько повело, почти героем себя представлял. И верили ему, в том числе и фронтовики. Я долгое время за чистую монету принимал его рассказы. А документов подтверждающих показать не мог. Отговаривался – куда-то задевал. Если бы я сразу полистал его военный билет, многое бы прояснилось. А он отнекивался, дескать, не может найти. Я три раза был у него дома. Справки о двух ранениях он показывал. Тут правду говорил. Носил гвардейский значок, а часть его, как я выяснил, не была гвардейской. Два ордена Великой Отечественной войны носил. Хотя получил всего один. Нам, участникам боёв, всем давали к 40-летию Победы, второй сам себе нацепил, как оказалось.

С нежеланием рассказывал Виктор Мефодьевич о собрате фронтовике. Я, стараясь быть ненавязчивым, расспрашивал осторожно. Понятно, чаще всего человеком, выставляющим себя героем, движет банальное желание быть лучше, чем ты есть на самом деле, но каждый конкретный случай интересен по-своему. Виктор Мефодьевич испытывал неловкость за воина, который выставлял себя в неприглядном свете, в то же время в нём говорила обида, столько времени его водили

за нос, мог написать о другом человеке, о ком никто уже не напишет.

Бабич самозабвенно рассказывал Виктору Мефодьевичу о боях на улицах Сталинграда, как косил он из пулемёта нападающих фрицев, не давая возможности подняться и начать штурм здания. Весь взвод полёг, он один, раненный в ногу, истекая кровью, держался, пока не подошло подкрепление. За тот бой награждён медалью «За отвагу».

Дотошный Виктор Мефодьевич выяснил, часть Бабича вела бои в тридцати километрах от Сталинграда, в городе вообще не была. Там ранило его героя в ногу.

Дальше шла история с лечением в госпитале. Тоже вызывающая недоверие. Раненного Бабича отправили в тыл, санитарный поезд шёл в Сибирь, но он попросился поближе к дому, жил в Татарии. Просьбу удовлетворили. По словам фронтовика, за ним в Казани на вокзал целая делегация приехала – главврач, медсёстры. Выписали из госпиталя, опять же с его слов, на костылях, и прямо на них отправили на фронт. Накануне родная сестра написала – отец при смерти. Как не попрощаться с отцом? Поехал самовольно домой. Отец через три дня умер, Бабич участвовал в похоронах. Родственники ему: ну что ты сразу после похорон поедешь, успеешь на войну, ты же сын, должен помянуть на девять дней.

Когда явился в военкомат, приняли как дезертира. Вместо воинской части отправили в Куйбышев. Трибунал при-

судил десять лет с отправкой на фронт. Бабич рассказывал о героических боях в штрафбате на Курской Дуге. До этого не рассказывал, а тут вышел телесериал «Штрафбат». И Бабич начал рассказывать о своём штрафбатстве. Хотя был рядовым, а штрафбат формировался из бывших офицеров. На самом деле воевал в штрафроте, но на Курской дуге на самом деле был ранен, смыл вину кровью.

Описывал Домину, как отчаянно дрался их штрафбат, его рота, в ней осталось двенадцать человек, считая раненных, остальные погибли. Всё было в повествовании Бабича – бросок во вражеские окопы, рукопашная, уничтожение вражеского дота, взятие высоты, ранение. «Тебе Героя давать надо!» – передавал он Виктору Мефодьевичу слова своего командира. И добавлял, если бы не штрафбат, точно дали, а так только орден Великой Отечественной получил. Как выяснил Домин, орден носил не свой. Был у Бабича друг-фронтвик, прошёл всю войну, жил один, поехал к дочери в Свердловск, там умер. Ключи от квартиры перед отъездом оставил Бабичу. Домин считает, Бабич орден друга взял, а также его гвардейский знак.

Домин однажды перебирал бумаги районного Совета ветеранов и наткнулся на копию военного билета Бабича. В ней гвардейский знак и орден Великой Отечественной войны были вписаны другой рукой.

После войны Бабич женился, через полгода жена подала на развод, хотя была беременной. Родилась дочь, платил али-

менты, но с дочерью отношения не сложились. Ни с дочерью, ни с внучкой. Дочь никогда не приезжала к нему, к себе не позвала ни разу.

В сорок седьмом году Бабич получил двадцать пять лет лагерей. Говорил, за анекдот про Сталина. По этапу прибыл в Омск, строил нефтекомбинат. В 1956 году по амнистии освобожден. Первая книга, которую написал Домин в черед своих книг-очерков, была на особо популярную тогда тему о безвинных жертвах сталинизма. Включил в неё материал о Бабиче. Тогда безоговорочно верил собрату-фронтовику. И взялся собирать материал о его боевом пути...

Образования Бабич не получил, работал слесарем на заводе до самой пенсии. Последние пятнадцать лет жил один, вторая жена умерла, детей у них не было.

– Бог ему судья, – сказал мне Виктор Мефодьевич. – Наверное, скучно было ему жить. Как сыч один в двухкомнатной квартире. Мне несколько раз говорил: «Хорошо, ты умеешь книжки писать, я, было, попробовал, а фига два – ни шиша не получается». Вот он и начал упражняться в устном сочинительстве, придумывать себе подвиги. Хотелось хоть в фантазиях погеройствовать. И врал со сцены. Наш брат фронтовики не любят вралей. Вы говорите, ветеран обещал по физиономии заехать Бабичу. Это, наверное, майор Соколов. Они однажды сцепились. Деда, обоим за восемьдесят. Соколов ему пиджак порвал, рванул гвардейский знак: «Не твой он!» Грозился написать в областной Совет ветеранов.

Да вскоре умер.

Само собой, Бог судья Бабичу. И как ни крути, воевал он на передовой, пороху понюхал. Лёня, скорее, был чистым вралём.

Инок Роман продиктовал мне его телефон. Точнее – его племянницы. Так Лёня говорил. Позже возникло у меня сомнение: а не сожительница ли она. Два раза попадал на неё, потом трубку взял Лёня и предложил встретиться у него в сторожке. Лёня охранял строительный объект. Несколько раз переносили, у Лёни была какая-то путаница с дежурствами. Многое у него было путано. Наконец договорились сойтись в воскресенье, да и то получилось, что сначала на одиннадцать Лёня назначил, потом на тринадцать, наконец на пятнадцать часов.

– В три буду железно, – отрывисто говорил в трубку Лёня. – Ворота закрыты проволокой, откручиваете и смело заходите. Я буду в будке.

Ни в будке не обнаружил его, на двери висел замок, ни рядом с ней. Такое отношение к себе вызвало досаду, но я тоже упрямый, решил доиграть ситуацию до конца.

Охраняемый Лёней объект представлял длинный, на шесть подъездов, двенадцатиэтажный дом. Панельный. Есть у меня знакомый, в прошлом строитель, часто повторяет: ни в коем разе не покупай квартиру в новых домах – это мышеловки. Строят тап-ляп, нормы не выдерживают, ушлые владельцы частных строительных компаний на всём эконо-

мят. И приводит пример землетрясения в Армении в декабре 1988 года. Его посылали туда на восстановление Ленинакана. «Армяне в семидесятые, восьмидесятые годы строили в обезжиренном варианте, – рассказывал о той своей командировке. – По принципу: из положенного на дом цемента, каждый второй-третий мешок – на сторону. Также арматура, другие стройматериалы. А когда тряхнуло – дома посыпались. Если вместо цемента песок, как они будут стоять! Какие дома и выдержали удар – старые».

Ещё до того, как закрыли и снесли хоккейный дворец «Арена-Омск», что простоял всего одиннадцать лет, знакомый предупреждал, зная, что я равнодушен к хоккею: «Не ходи туда, если жизнь дорога, проектировали его и строили, как те армяне в Ленинакане».

Жить, утверждает мой категоричный знакомый, надо в домах, построенных в советское время.

Дом, охраняемый Лёней, строился ещё хуже, чем «Арена-Омск», до отделки дело не дошло. Серьёзный дефект выявился с завершением монтажа последнего этажа. Дом стоял заброшенным.

– Воровать здесь нечего, – хохотнул Лёня, представляя объект, – главное, чтобы сторожа вместе с будкой не утащили. Но пусть кто попробует – как-никак разведчик! Хоть три контузии, весь израненный, изрезанный, а враз сверну голову. В Чечне, было дело, резались на ничейной полосе с разведкой чеченов. Они к нам шли, а мы к ним и схлестну-

лись на нетралке, напоролись в темноте друг на друга. Открой мы огонь – чечены бы из крупнокалиберных пулемётов по нетралке ударили, они начни стрелять – наши бы минами забросали. Чисто молча резались! Меня тогда по спине полосонули и по рёбрам. Но вскользь. Я троих амбалов уложил. Режу одинаково, что правой, что левой рукой. Чечен ждёт удара с одной стороны, я его с другой валю. Всех мы положили тогда!

Лёня был бушлате, тельняшка на виду, дескать, знай ребят из «войск дяди Васи».

Будочка-сторожка крохотная, метра два с половиной на три. Посредине мощный электрический обогреватель. Лёня первым делом начал показывать в смартфоне афганские фотографии. Я пытался вглядываться, но качество было низкое. БМП, группа бойцов рядом.

– Это вот я, – тыкал пальцем Лёня, – видишь? Боком стою.

Ничего я разобрать не мог. Подслеповатая лампочка под потолком светила еле-еле.

– Это мы под Кандагаром, – комментировал Лёня. – Этот Борька Штырь, погиб! Фофан подорвал себя...

Фотографии, честно говоря, мало меня интересовали. Постарался быстрее перевести разговор к делу. Я без того больше часа торчал у будки в ожидании Лёни. Уже хотел уходить. На телефонные звонки никто не отвечал.

Через пять минут разговора я понял: Лёня из тех рассказчиков, кто перескакивает с пятого на десятое, нить темы не

держит, надо постоянно направлять. В первом телефонном разговоре он заинтриговал, говоря о боевом прошлом: «С первыми запрыгнул в Афган и с последней колонной ушёл». Поэтому я решил взять быка за рога, перестал щуриться на подслеповатые фотографий в смартфоне, перешёл к тебе штурма дворца Амина. При этом вставил для «смазки» свои «три копейки», сказал, что знаком с офицером отряда «Вымпел», который участвовал в операции по взятию второго по важности после дворца Амина объекта, коим был генштаб афганской армии. На это Лёня мгновенно отреагировал:

– Ну да, когда мы штурмовали Амина, другие ребята прибирали к рукам штаб, вокзал, телецентр.

«Вокзал» кольнул меня. Какой такой вокзал – в Афганистане нет железных дорог. Но кольнул легко, мало ли, оговорился человек, имел в виду аэродром, его тоже брали в тот день под контроль, обрубая любую неожиданность.

Рассказывал Лёня воодушевлённо:

– Первым на дворец прыгнул «Вымпел», потом «Альфа», потом мы, разведчики, за нами – морпехи. У Амина стража, как под линеечку мужики, два метра ростом. Ни на сантиметр больше или меньше! Два метра амбалы. А я-то маленький. Куда мне? Только стрелял поначалу. А припёрло, в рукопашку пошёл. Морпехов зажали, не могут вырваться, мы к ним ломанулись. Рубились сапёрными лопатками! Видел Амина живым, когда с группой жён пробежал – маленький, пухленький. А перестрелял его жён мусульманский ба-

тальон. Нам зато досталось трупы выносить. Насчитали девятьсот девяносто девять жён. Или у них по штату такое количество положено – три девятки, или тысячная затерялась в суматохе. Представляешь, он с женой переспал, а следующего раза она три года ждёт. Во порядке, блин... Мы, разведчики, с охраной Амина, разобрались, пока кэгэбэшники подрывали ворота, четыре часа врукапашку дрались.

Лёня сыпал информацией. Только успевай переваривать. Я пропустил его «четыре часа рукопашки». Позже, слушая запись, обратил внимание. Какие четыре часа – вся операция по захвату дворца длилась порядка сорока пяти минут.

– Во дворце красота – обалдеть! – жарко рассказывал Витя. – Всё под золото! И павлинов целое стадо. Хвосты – ёмоё! Мы быстренько красоту проредили. Когда уходили из дворца – кагэбэшники попросили очистить территорию, погранцов поставили, – так павлины, что курицы общипанные, ни у одного не осталось хвоста, парни повывёргивали на трофеи. У кого в погоне перо, у кого под беретом. Взять меня, где я тех павлинов в Омске видел. Да и все ребята. Так что с первыми вояками запрыгнул я в Афган, с последними уходил. Только не с той красивой колонной, что по телеку показывали: белые подворотнички, броня горит свежей краской. Мы с боями выходили. И Чечню всю протопал. Всю дорогу в разведке.

Лёня перескочил из Афганистана в Чечню. Я не стал возвращать обратно. Решил: пусть изложит блок событий, кото-

рый у него на языке вертится. По опыту знаю, надо дать такому выговорится, потом проще вопросы задавать и обстоятельно расспрашивать.

– Операция была в Чечне, – начал Лёня, – одного туза мы тянули. Выследили и ага! Шишка важная! Не пушечное мясо. Подробно пока говорить не будем – нельзя. Тихо не получилось, с боем взяли. Старлею ноги перебило. Дали Героя России, посмертно. Старлей нам: «Ребята, оставляйте меня – прикрою». Язык баскетбольного роста – два метра десять сантиметров, а весом штангист-тяж – килограммов сто двадцать. Бородища во всю морду. Я взваливаю на спину, поволок. Сначала за спиной со стороны, где старлей остался, стрельба шла, потом гранаты забухали. И тишина. Мы остановились, слышим – погони нет. Решили вернуться. Двое остались с грузом, амбалом бородатым, мы поползли. Видим картину яснее ясного: старлей две гранаты себе под ноги швырнул, чечены тюльпанчиком вокруг лежат. Сам подорвался, их с собой захватил. Старлею посмертно Героя дали. Хороший пацан, двадцать семь лет, тоже разведчик. Тот, что два метра десять сантиметров, оказался не только верзилкой, башка бородатая лучше всякого компьютера, полно было явок, адресов, паролей. По его информации в Ичкерии взяли четыре террористические группировки, на Кубани – шесть, в Москве – восемь. По всей России ценные сведения были у него, все вытрясли. Сказал как миленький. Мне за него орден Мужества дали. Командир честно признался:

«Лёня, кабы ранило тебя, получил Героя, а то без царапины вернулся». А жене моей посмертно Красную Звезду...

Мысль у Лёни снова скакнула зайцем, на этот раз обратно в Афганистан:

– Мы как женились. Моей матери из Афгана в восьмидесятом похоронка пришла. Они гроб ждут, а я сам через полгода из Склифософского заявляюсь. Тогда и женился. Она хирургическая медсестра. Не хотел, чтобы в Афган ехала, она: «Как я без тебя! Ты там, я тут. Одного не пущу. Поеду». И погибла. Духи из «града» накрыли госпиталь...

Я попытался уточнить, какие «грады» у духов?

– Трофейный, – объяснил Лёня, – у нас захватили. Из него жахнули, она майора собой закрыла... Красную Звезду – посмертно. Я получал за неё.

В сторожке было прохладно. Лёня сидел в накинутом на плечи бушлате, я снял только шарф и шапку, расстегнул пуховик. За окошком совсем стемнело. Лёня говорил напористо, частил словами, будто боялся – я встану и уйду. Скажу честно, не сразу я понял, кто передо мной. Лёня вёл повествование заячьими петлями, без всякой логики перескакивал с одного на другое. Пересказываю лишь малую часть услышанного. Лёня то и дело делал нырки в разные периоды своей жизни. Говорил, что в доармейскую жизнь учился в политехническом институте. И тоже лихо. Был эпизод – челюсть декану сломал.

– С одного удара в двух местах! – уточнил Лёня. – А нече-

го подличать!

Афган, Чечня, школа, институт, дивизия ВДВ – всё это сыпалось и сыпалось из него.

– Первая Чеченская разгорелась, нас в Грозный кинули, – вернулся Лёня к боевому прошлому. – Одна часть города наша, в другой чечены окопались. Мы пошли в поиск. На операцию идёшь, тут перво-наперво боеприпасами запасись. Берёшь, сколько можешь утащить, сухая самое чуть-чуть. Жизнь дороже, чем брюхо набить. Чеченам мы в тот раз хороший шухер навели. Пришли назад, что волки голодные. Вместо трёх дней, пять были в поиске. Ребята нам тушёнку выставили – ешьте от пуза, сколько влезет. Я пару банок умолот. И прихватило. По Грозному идём, у меня живот как резанёт, и начало крутить, мочи нет. Ребята, говорю, идите, я в развалины заскочу, опорожнюсь. Нырнул в разрушенный дом, а там девчонка с перебитыми ногами у стены под окном лежит. В двух шагах от меня. Я ей:

– О, сестрёнка, ранило?

Она рукой зашарила сбоку от себя и снайперскую винтовку поднимает. У меня до автоматизма реакция, выбиваю ногой. Автомат на неё:

– Ты чё, сука?

Камуфляжку у неё задрал, а там белые колготки.

– Ну чё – добьёшь? – смотрит на меня.

Обычно мы добивали. Я как увидел белые колготки, забыл, зачем заскочил в развалины. Охоту в туалет как обре-

зало. Добивать надо.

Достаю сигареты.

– Будешь? – протягиваю ей пачку.

– Давай!

Чиркнул зажигалкой, закурили.

– Откуда сама? – спрашиваю.

– Из Омска.

– Да ну? Землячка что ли. Где жила?

– На Привокзалке.

– Было дело, – говорю, – у бабульки на Карбышева снимал комнату, когда в политехе учился.

– А я туда не поступила.

– Ладно, – отбрасываю сигарету, – пошли.

– Куда? – глаза на меня вытаращила. – Лучше добей!

– В госпиталь.

На себя взвалил, застонала, обе ноги перебиты осколками, мина прилетела. Повезло ей, как раз грузили санитарные самолёты с «трёхсотыми». Отправил в Союз.

– Три дня назад иду, – продолжил Лёня рассказ, – вечер, но светло ещё. И раз – глаза сзади закрывают руками. Я через бедро кидаю, думал, нападение, а там женщина. Рядом с ней девушка лет пяти. На землю не стал ронять, рывком на ноги ставлю. Она мне:

– Ну, ты даёшь, братишка.

Смотрит на меня, улыбается. А я понять не могу, кто такая.

– Не узнал? – спрашивает.

– В первый раз вижу, – говорю.

– А помнишь, братишка, в Грозном спас меня.

– Белые колготки что ли?

– Ну да.

– Ты мне не сестрѐнка.

– Дура была, – слезу ытерла, – восемнадцать лет, биатлоном занималась. Сманили деньгами. Спасибо тебе. Не раз слышала, что вы делали с «белыми колготками».

– Разведчики этим не занимались. Убивали и всё. А ты меня взяла тем, что землячка. Не поднялась рука.

– Я сама собиралась застрелиться, духу не хватило. А тут ты. Спасибо.

Лѐня вызвался меня проводить до остановки. Февраль стоял ветреный, морозный, каким и должен быть сибирский февраль, когда зима цепляется за последнее. Западный колкий ветер бил в лицо. Из-под бушлата у Лѐни форсисто выглядывала тельняшка, шарфом не пользовался. На пути к остановке был магазин, на подходе к нему наша встреча скатилась к банальности. Лѐня повернул ко мне лицо:

– Вы меня не выручите? Двести рублей на курицу. До двадцать восьмого числа. Нам деньги задержали, но двадцать восьмого железно обещают выдать, я вам верну.

Я достал две купюры по сто рублей.

– Большое спасибо! Отдам железно. Без курицы ночью тяжело. Пить ни пью, курю одну за другой, это после Афгана,

и чай пью вёдрами. А водки только на день ВДВ три рюмки. У меня три контузии, нельзя много. Три рюмки и хватит. Не люблю, как другие, напился и рога в землю... Люблю поговорить, вспомнить Афган, Чечню, анекдоты потравить...

У магазина Лёня забыл, что собирался проводить меня до остановки, протянул руку для прощания...

Я решил прогуляться. Подышать морозным воздухом после полуторачасового сидения в крохотной сторожке. Было жаль потраченного времени, фактически день пропал. С утра думал о встрече, настраивался на неё, звонил Лёне, тот переносил время. Получилось, всё зря.

Но вдруг пришла мысль, ходьба способствует мыслительному процессу: а ведь тоже история достойная размышлений. Придумал Лёня в своей пресной жизни красивую биографию. Ему за шестьдесят, а, судя даже по тому, что обретается в общежитии, жизнь ладно не сложилась. Кстати, приглашал к себе в гости. Намекнул при этом, что угощать нечем. Но пригласил, адрес продиктовал. Если грубо сказать – нашёл свободные уши. Слушать я внимательно. Вот Лёне захотелось снова побыть героем. Не исключая, бьют его за небылицы. Почему-то поверил ему, что ходит на встречи афганцев 15 февраля, а второго августа – на праздник «войск дяди Васи».

– Это закон! – говорил. – Два моих главных праздника в жизни.

Уверен, пьёт не три рюмки, значит, язык за зубами не дер-

жится. Если на трезвую голову, мы даже чай не пили в сторожке, ляпнул с честными глазами, что у него шестнадцать медалей «За отвагу», двенадцать «БЗ» (так сказал Лёня) – «За боевые заслуги», два ордена Красной Звезды, орден Мужества. Что уж говорить про пьяную головушку. Врунов не любят фронтовики. Ни ветераны Великой Отечественной, ни афганцы, ни те, кто прошёл Чечню.

Допускаю, Лёня каким-то боком побывал в Афгане, но никак не «первым прыгнул и последним уходил». Геройствовать не сложилось, а так хотелось чувствовать себя совершившим подвиг. И не один.

– Матери похоронка пришла, – повторился Лёня, когда подходили к магазину, – на мою школу мемориальную доску приделали, а я через полгода «здрасьте» – сам заявился, порезанный, штыком проколотый, но живой. Слепили в Москве, в Склифе. Сестра квартиру свою продала, мою на себя переписала. Я не стал судиться. Тут как раз будущую жену встретил. Не до судов. А она погибла. А я вот живу... Вы ко мне обязательно приходите, поговорим, вина можно немного раз такой случай...

Первая смерть

Алёна Валеева отыскала Людмилу Ивановну в «Одноклассниках». Написала трогательное письмо и попросила рассказать о своём отце, которого почти не помнила. В год гибели Тагира ей исполнилось шесть лет.

В Афган отправили несколько офицеров из их части. Цинковый гроб с Тагиром открыл счёт потерям, война впервые обожгла городок пониманием того, что происходит за тысячи километров от него.

С женой Тагира, Ниной, Людмила работала в магазине военторга. Жили в одном подъезде, дружили. Людмиле нравилась эта семья. По-хорошему завидовала Нине. Тагир не показывал на людях, а всё равно было видно, души в жене не чаёт. Его так и подмывало лишний раз прикоснуться к супруге, взять за локоть, приобнять за талию или положить руку на плечо. Что-то скажет ей и непроизвольно усиливает сказанное прикосновением. Перед 8 Марта, днём рождения Нины приходил посеCRETничать.

– Люда, – говорил заговорщицки, – как бы нам разведать, что Нине надо. Разузнай! Только, чтоб не догадалась, откуда ветер. Хочется небанальное подарить, а масла в голове не хватает самому придумать.

По голубым глазам Тагира читалось, искренне хочет доставить радость жене.

Людмила вступала в стговор и не выдавала их маленькую тайну, когда Нина восторженно говорила подруге:

– Как он только догадался?

Тагир обязательно и Людмиле вручал подарочек.

– В точку мы с тобой попали! – докладывал о реакции жены. – Радовалась, как дитё! Алёна от куклы на седьмом небе, Нина от маникюрного набора и парфюмерии французской.

Светло завидовала Нина Валеевым. В её семье всё складывалось иначе. Её капитан Вострецов был щедрым на подарки другим. Мог забрать из дома недавно купленный самовар: «Тут надо, ещё куплю потом». Оказывалось, очередной зазнобе пообещал. Людмила терпела. Жаль было пасынка. Замуж пошла, как говорила её мама, «на ребёнка». У Вострецова первая жена умерла, остался трёхлетний сын. Хороший мальчишка. Своих детей Людмиле Бог не дал, посвятила себя чужому. Ребёнок рос болезненным, приходилось часто по врачам водить, в больнице неоднократно с ним лежала. Мальчишка считал её мамой. Вострецов этого не ценил, в жизни видел одного себя. Был одержим темой женского пола. Несколько раз Людмиле становилось неважно, уходила. В военном городке всё было на виду, это даже не деревня, жили компактно – три пятиэтажки, два дома в четыре этажа, общежитие. После каждого её ухода Вострецов звал обратно домой, вставал на колени. Умолял... Клялся: «Больше не повторится».

Каждую осень часть отправляла солдат и офицеров в

Краснодарский край на уборочную. Командир автобата Вострецов с удовольствием ездил на помощь кубанцам-хлеборобам, заодно устраивал гусарскую балладу. После каждой уборочной Людмилу ждал какой-нибудь сюрприз. Одна женщина после уборочной письмами засыпала Вострецова.

– Да ты сама прочитай! – широким жестом мог бросить муж Людмиле письмо. – Там дура набитая! Главное – ничего не было.

– Так я и поверила – «не было».

– Клянусь! Страшнее атомной войны, а возомнила незнамо что!

Говорил с честнейшими глазами и такой силой убеждения, что сам верил. Не знающий Вострецова безоговорочно брал его сторону, верил откровенному вранью. Умел капитан любой факт преподнести в выгодном для себя свете. В старину говорили о таких – обладает магнетизмом. Ничего не стоило доказать, хоть мужчине, хоть женщине, что белое это чёрное и наоборот. Был эпизод, Людмила застала Вострецова с женщиной. Казалось, не отвертись, падай на колени – кайся. Вострецов бросился доказывать, он ни в чём не виноват. Ну, нисколечко! Она буквально силком затащила в постель, дабы отомстить мужу.

– Ты что дитё малое – «заставила»!

– Я тебе говорю. Клянусь здоровьем сына.

– Побойся Бога! Пашу хотя бы не приплетай!

В тот год уборочная окончилась в октябре, в декабре Люд-

миле звонят, на КПП женщина требует пропустить её к капитану Вострецову. На тот момент капитан уехал в Горький, Людмила отправилась выяснить, в чём дело, так как дамочка вела себя более чем агрессивно, требовала телефон командира части. На проходной Людмила застала возбуждённую крепко сбитую женщину не первой молодости. Она выпалила, что Вострецов обещал на ней жениться.

– Я вам говорю: я – его жена! – Людмила попыталась объяснить незнакомке семейное положение Вострецова.

– Ничего не знаю, – не смутилась кубанская казачка, – я в положении от него.

Выкрутиться Вострецову в тот раз не удалось, присудили алименты.

Что там говорить, несладко протекала семейная жизнь у Людмилы, но искренне радовался, глядя на Нину и Тагира.

Тагир был из «пиджаков» – после окончания института призвали в армию офицером на два года. Отслужив год, подписал контракт на двадцать пять лет. И попал в Афганистан.

Нина очень скучала, все её мысли сходились к мужу. Придёт к Людмиле или так ней вечером заглянет, как бы замысловато не складывался разговор, обязательно выходил на Тагира. Произнести лишний раз его имя доставляло Нине удовольствие. Не употребляла междометий – «он», не говорила «муж». Только – Тагир. Сладкой музыкой звучало имя супруга, ласкало слух, будило светлое в душе.

Учились оба в Казани. Нина – в финансово-экономиче-

ском институте, Тагир – в Казанском авиационном. Специальность у Тагира была отнюдь не авиационная, связанная не с небом, наоборот – с земными трассами. В институте под строящийся в Набережных Челнах автогигант КамАЗ организовали автомобильный факультет. Его Тагир выбрал при поступлении. Познакомились студенты в сквере под названием Чёрное озеро дождливым октябрём. У Нины сломался каблук. Цаплей на болоте замерла на одной ноге, носком второй чуть касаясь асфальта. И хоть караул кричи... Вдруг парень, подхватил под руку, весело произнёс:

– Как говорит Карлсон, который живёт на крыше! Правильно: «Спокойствие, только спокойствие!» Для начала стоит присесть на лавочку.

Нина с помощью предупредительного незнакомца доковыляла до ближайшей скамьи. Сиденье после недавнего дождя блестело влагой, парень ни секунды не раздумывая бросил свой портфель на скамью:

– Ситдаун плиз! – показал рукой на портфель. – Садитесь и снимайте ваш многострадальный башмак?

– Зачем?

– Затем, что не могу бросить девушку в бедственном положении, не босиком вам идти, а мои сорок третьего размера туфли, будут вам жать коленках.

Нина сняла туфлю, Тагир, а это был он, осмотрел повреждение, и сделал вывод:

– Поблизости есть мастерская, должны отремонтировать.

А нет – куплю какие-нибудь тапочки. И не уходите, вверяю вам главную мою жизненную ценность – тетради с лекциями.

– Тагир принёс отремонтированную туфлю, – рассказывала Нина Людмиле. – Полгода встречались после того случая, а в марте подали заявление в загс, девятнадцатого апреля была свадьба.

Тагир должен был со дня на день вернуться домой. Командировка на войну заканчивалась. Написал, чтобы Нина брала отпуск, поедут в Крым на море, Алёне с её слабыми бронхами нужно море. Нина сшила себе два летних платья, купила новый купальник, Алёну тоже собрала – сандалики, платьишка. Недели за две до предполагаемого отъезда в их магазин привезли югославские кожаные баулы.

– Какие вместительные, – оценила товар Нина, – надо взять, Тагир любит вещи солидные. На его чеки можно, наверное, получше выбрать, да зачем их тратить, когда на рубли можно взять.

В субботу вечером Нина пришла к Людмиле и попросила поработать за неё в воскресенье, хотела съездить в Горький. Нижний Новгород носил имя писателя.

– Я в долгу не останусь, – сказала подруге. – Надо бы ещё Алёне туфельки прикупить, футболочку, пробежусь по магазинам, на неделе, навряд ли, получится. И Тагир может со дня на день нагрянуть. Он не любит телеграммами предупреждать.

Посетителей в магазине в тот субботний день было мало, народ отдыхал на озере. Секретчик из штаба зашёл перед самым закрытием, купил зубную пасту и сказал:

– Пришла не совсем понятная телеграмма. То ли Тагир везёт, то ли Тагира везут. Но похоже – Тагира везут. Командир звонит в дивизию, выясняет, чтобы наверняка знать.

Холодная волна окатила Людмилу, сердце сжалось, заныло в нехорошем предчувствии – неужели?

Она закрыла магазин и отправилась на озеро. Дома никто не ждал, вторую неделю жила одна, Вострецов с сыном уехал к своим родителям в Тулу.

С Ниной столкнулась по дороге, та только что приехала из Горького. Ничего она не чувствовала, сердце ни разу не ёкнуло, не подсказало. Лицо светилось, съездила удачно, купила дочери на ноги, а ещё зимнее пальтишко. Всё это восторженно выпалила, спросила в конце:

– Как в магазине? Всё нормально?

У Людмилы перехватило горло. Она не знала, что говорить. Отвернулась и быстро пошла к озеру.

– Да что такое сегодня, – прозвучало за спиной, – все от меня отворачиваются?

Людмила подошла к озеру, казалось весь городок высыпал на берег. Даи как тут усидеть дома – горячее солнце, безоблачное небо, вода прогрелась – выходить не хочется. Городок купался, загорал, играл в бадминтон, волейбол, малышня возились на травке. Людмила ещё в магазине надела ку-

пальник, на берегу скинула платье, вошла в прохладой освежающую воду, поплавала, выйдя на берег, достала из сумки полотенце... На душе было скверно...

На подходе к дому услышала крик. Страшный, леденящий душу пронзительный крик. Он вонзался в мозги, рвал сердце, давил невыносимой тяжестью. Кричала Нина, надо было идти к ней, а ноги не шли.

Афганцы были отличными вояками, но в бандах, чего не скажешь об армии Демократической республики Афганистан. Не хотели афганцы по-настоящему воевать с моджахедами, солдаты зачастую разбегались, было распространено дезертирство. Подразделение Тагира бросили на помощь, попавшим в переплёт афганцам, моджахеды напали на крепость, в который стоял полк армии ДРА... Бой был жестоким. Только когда с неба ударили штурмовики Су-24 и подлетели вертолёт, духи отошли. Тагира ранило. В первом вертолете он не полетел, отправил раненых бойцов. Второй был сбит на подлёте. Тагир полетел в третьем, потерял много крови и умер в госпитале.

Провожали Тагира всем городком. Родители решили похоронить его у себя на родине в Башкирии. Цинковый гроб постоял в Доме офицеров, потом погрузили его на уазик, весь городок шёл за ним до КПП, а потом ещё с километр по трассе. Несколько офицеров поехали на похороны на автобусе.

Отец у Тагира был из татар, мать – русская. Хоронили по

русскому обряду. На второй день после похорон Нина засобиралась домой. Родители Тагира на поминальном обеде за-теяли разговор о чеках, которые Тагир обещал им на ремонт дома. Они планируют перекрыть крышу, переложить печь. Так что Нина должна отдать чеки им.

– А как же я одна с дочерью? – спросила Нина

– Алёне будет пенсия.

Всё это было противно и некрасиво. Нина не осталась на девять дней у свекра со свекровью, устроила поминки в столовой части. Через месяц уехала к родителям в Белоруссию.

Памятник воинам-афганца в Минске начали строить за год до вывода советских войск из Афганистана, но построили только в 1996 году. В народе стали звать его «Островом слёз». Был возведён на искусственном острове реки Сви-лочь. Правдами и неправдами Нина добилась, чтобы имя Тагира занесли на памятник. Тагир не имел никакого отношения к Белоруссии, не жил, не служил, не призывался оттуда. Нина стоило большого труда доказать, её муж должен быть увековечен на памятнике, обошла немало кабинетов и доби-лась своего – имя Тагира значилось среди семисот семиде-сяти одного погибшего афганца.

Нина прислала Людмиле фото с фрагментом памятника, на котором значился Тагир. Женщины многие годы держа-ли связь друг с другом. Сначала по обычной почте, потом – электронной. Частенько перезванивались. Каждый раз по-вторяли «надо бы встретиться, плюнуть на все заботы и съе-

хаться». Но так и не получилось, Нина умерла в пятьдесят с небольшим от онкологии.

Алёна нашла Людмилу в «Одноклассниках», настойчиво приглашала в Минск и просила рассказать, всё, что знает она об отце. Людмила поначалу едва не написала: ничего нового добавить не сможет к тому, что слышала Алёна от матери. Однако подумав, создала файл с названием «Тагир и Нина» и начала вспоминать, как радовалась за семью подруги, каким настоящим мужчиной был отец Алёны, как они тайком выбирали подарки для Нины к Женскому дню и дню её рождения. Каким любящим супругом был Тагир. Посмотрела в интернете значение его имени. В одном варианте – чистый, в другом – мужественный.

«Твой отец, – писала Алёне, – совмещал оба эти значения. Настоящий воин, настоящий офицер – не запрыгнул первым в вертолёт, спасая свою шкуру, сначала бойцов, за которых был в ответе, отправил. И настоящим мужем был. Поверь, Алёна, мне есть с чем сравнивать, два раза выходила замуж, оба офицеры, ездила по городкам, повидала немало. Лучшие погибают первыми... Господь Бог забирает в Свои обители тех, кто достоин стоять у Его престола, кто заслужил это земной жизнью...»

Артур, Татьяна и Чекистка

Татьяна была красавицей. Тот случай, когда женщина красива, не прилагая усилий. С макияжем и без, в радости и печали. Пройдётся расчёской по волосам – и не налюбуетшься. Правильные черты лица, большие зелёные глаза, естественный румянец, может, чуть скулы излишне выдавались, но опять же, это был случай, когда любой недочёт в плюс общей картине. Фигурой хороша: всё в меру, к полноте не расположена. На своей внешности Татьяна не зацикливалась, носик красивый не задирала: вот я какая! Красоту носила спокойно.

С Артуром в первого класса учились вместе, окончили одну из омских школ. Артур надумал идти по военной стезе – поступил в военное училище, Татьяна пошла в пединститут. Класс у них подобрался дружный, активный, лёгкий на подъём, после выпуска часто трубили общий сбор. Первые десять лет каждый год собирались. Пусть многие поразьехались, человек десять обязательно приходило. Это случилось на первый юбилей выпуска – пятилетие – Артур положил глаз на Татьяну. Поспособствовал одноклассник, шепнул за столом Артуру:

– Таня Савельева ещё краше стала, а всё не замужем. Пора подкатить к ней, в школе не решался: я – замухрышка, она – первая красавица, может, сейчас получится.

– Почему бы нет, – сказал Артур.

И подкатил сам.

Прожили полтора года и разошлись. Дочь Оксанка родилась болезненной, беспокойной, это раздражало Артура – ребёнок не давал нормально выспаться, требовал к себе повышенного внимания каждую ночь.

– Мне на службу спозаранку, а я как варёный! – возмущался.

– А что я сделаю, если она такая.

– Не знаю, что-то делай! Нельзя же так!

Татьяна устала от вечных поправок, в один момент собрала вещи и уехала к родителям в Омск. И подала на развод. Через год они столкнулись на встрече одноклассников, Артур пригласил Татьяну на танго, попросил прощения и предложил снова сойтись. Татьяна согласилась. Снова подали заявление в загс.

Артур увёз Татьяну с дочерью в военный городок на Урал, Татьяна пошла работать в библиотеку, а вскоре Артура отправили в Афганистан. Война длилась пятый год, требовала новых и новых бойцов.

Писал Артур редко, далеко не на каждое письмо жены отвечал. У Татьяны стало ритуалом, вечером укладывала дочь спать, а сама шла на кухню, варила в большой эмалированной кружке – «сиротке» – какао со сгущённым молоком, любила его больше чая и кофе, пила мелкими глотками и писала в Афганистан. Рассказывала об успехах Оксаны, её про-

казах, о новостях городка, о прочитанных новинках, Артур любил книги. Не всякое письмо с одного захода доводила до последней точки, могла продолжать повествование следующим вечером. В неделю по три-четыре письма отправляла.

Артур через год приехал в отпуск.

В день приезда Татьяна столкнулась утром на лестничной площадке с соседкой Галиной, та была старше на пять лет, муж недавно получил майора, два года назад вернулся из Афганистана. Галина работала заведующим детсада.

– Ты у нас всегда красавица, не передать, а сегодня вообще красавишна! – сказала Галина и спросила с хитринкой в голосе. – Интересно, что это мы новым рублём светимся? Неужто Артур приезжает?

– Сегодня жду! – зажмурила глаза Татьяна, показывая, с каким нетерпением ждёт.

– Как я рада за тебя, Танюша!

Вечером Татьяна пришла к соседке с потерянным лицом. Галина поняла, подруга хочет с ней чем-то поделиться, зазвала на кухню. Плотно прикрыла кухонную дверь, муж хоть и сидел перед громко вещающим телевизором, слухом обладал отменным, ни к чему знать женские секреты.

– Что случилось? – спросила Галина.

– Я боюсь, он трясётся весь, – вытирая слёзы, пожаловалась Татьяна. – Сам не свой. После контузии, говорит, накачивает. Писал, всё хорошо, оказывается, контузило. В госпитале лежал.

– Ты, первым делом, сама успокойся. Не подавай виду, что напугана. Они все с тараканами в голове. Надо терпеть, куда нам деваться. Мой, сколько времени прошло, всё по ночам воюет. Стоит выпить – и хоть под кровать лезь. А то и на трезвую голову во сне бои ведёт... Первое время вообще боялась с ним спать, каждую ночь подскакивал, кричал, вызывал вертушки, просил поддержать огнём. Я один раз попыталась уйти в другую комнату, за душмана принял. Утром показываю синяки на плече, шее – не верит. Не может быть, говорит. Всю ночь как на вулкане, а потом ничего не помнит. Чуть выпьет, в другой комнате ложусь. Все они после войны ненормальные. Сеня Сидоров, знаешь его, капитан, артиллерист. Вот здесь на кухне сидим. Он, жена его Лида, мой. Нормальный разговор, коньяк пьём. У нас тогда старый холодильник стоял, «Юрюзань». Сеня спиной к нему, холодильник как затарахтел... Сеня лицом окаменел, сжался, как для прыжка... Всё – он во вражеском окопе. Думала, схватит нож, начнёт крушить нас. Война сидит в них, не знаешь, каким боком вынырнет. Отдохнёт Артур, погреемся рядом с тобой, с дочерью, успокоится. Не подавай виду, что у тебя внутри.

Они уехали в Крым. Вернулись, и Таня рассказала Галине, что за весь месяц муж ни разу не прикоснулся к ней, ни разу близости супружеской не было.

– Весь на взводе, чего-то боится. Куда с такой психикой воевать? Говорю ему, обследование пройди. Не хочет. Как

быть?

Галина убеждала, надо терпеть, снова приводила примеры «афганских тараканов».

– Зимой полетела в Иркутск к брату, рейс неудобный, приходит в половине шестого утра по местному. Брат на такси приехал встречать. Договорился с таксистом, тот будет ждать. Мы подходим к машине, таксист голову на руль положил, спит. Брат усадил меня на заднее сиденье. Когда дверцу открывал, водитель не услышал, а захлопнул, тот голову вскинул, резко развернулся ко мне. А там мужик, плечи на полсалона. Я с его стороны сидела, одним движением загребает меня, шея попадает на локтевой сгиб, и давай душишь и ломать. Брат вовремя переднюю дверцу распахнул, заорал. Таксист ослабил хват, отпустил меня. Сам головой тряхнул, как просыпаясь. «Простите, – говорит, – сон чумной увидел. Я – афганец, ночь не спал, смена тяжёлая». Оказывается, служил в Кундузе, водил бэтээр, «нитки», автоколонны, что вглубь Афганистана шли, сопровождал. Два раза подбивали его машину.

Галина поставила перед соседкой чашку чая, пододвинула вазочку с вареньем.

– Пей, успокойся. Может коньячку налить?

– Какой коньяк. Ни есть, ни пить, ничего не хочется. Оксанка тоже напугана. Он в себя погружён, ребёнка не замечает.

– Такие они после Афгана, не знаешь, что ждать, – вела

свою линию Галина. – Взять Логинова, вообще, смех и грех!

Прапорщик Логинов был секретчиком. Собственноручно написал рапорт на отправку в Афганистан. Жена Анжела на коленях умоляла не ехать. Двое детей, она молодая женщина.

– Я должен, – твердил Логинов, – если страна воюет, я должен быть там.

– Ты надеешься в своей секретке отсидеться? – зло бросила Анжела.

– Почему отсиживаться? Каждый воюет на своём месте.

Такой патриот.

Жёны военных знали куда больше, чем на гражданке. Об Афганистане практически ничего не писали газеты, но в городок информация приходила прямо с войны, из неё следовало – убить могли любого и каждого. Какие только случаи не рассказывали прошедшие Афган. Приехала в так называемый «ограниченный контингент советских войск» группа медсестёр. Молоденькие девчонки. Одна в первый день усе-лась на подоконник в военном гарнизоне... Не в горах, не на блок-посту, не на точке, никаких боёв под стенами городка не велось. Пуля из винтовки бур попала точно в голову. Конечно, секретчик не мотопехота, не танкист, не разведка, да никто не был застрахован от пули, осколка, фугаса на дороге...

Анжела разорвала в мелкие клочки рапорт, Логинов написал второй. Этот экземпляр порвал начальник секретной

части:

– Ты что, больной на голову? – кричал он. – Лезешь на рожон. У тебя семья, дети!

– Я должен, – упрямо повторял Логинов.

С третьим рапортом он поехал в дивизию. Там рвать не стали, с радостью отправили добровольца на войну.

Вернулся Логинов целый и невредимый, хотя пороху тоже понюхать пришлось. Вернулся без ранений, но «со своими тараканами».

– Прихожу к ним, – рассказывала Галина Татьяне, – Анжела открывает дверь, на ней вечернее платье, чуть ниже колен, туфли, колготки. И передник праздничный.

– Не вовремя? – спрашиваю. – В гости идёте?

Будний день, часов девять вечера, прямо скажем, не время для совершения гостевых визитов.

– Да нет, – говорит, – проходи.

Прохожу, Логинов восседает на диване... Они в Германии служили, упаковались – немецкая тёмная мебель. Перед Логиновым большой, типа журнального, столик, сервирован, как в ресторане: белоснежные салфеточки, вилочка слева, нож справа, в фужере сок, хрустальный графинчик с водкой, хрустальный кувшин с соком, в фарфоровой салатнице селёdochка кружками лука посыпана.

На кухню с Таней вышли. Шепчу ей:

– Что за маскарад?

– Такой у него бзик после Афгана, вечером должна пода-

вать ужин, как в ресторане...

Жена, одета, как на правительственный приём, стол шикарной сервировки, при этом Логинов в трениках, тапочках на босу ногу, и животень из-под футболки выглядывает.

– Все они после войны сложные, – говорила Галина. – Вполне возможно, в Афгане всё нормально с психикой, а вдохнул мирной жизни, нервы сдали. Такое, говорят, бывает. Окуётся в ту атмосферу и всё нормализуется. Потерпи, год быстро пролетит.

– Я ведь живой человек!

– А там война! Ты за офицера выходила замуж.

Татьяна дождалась. В неверности никто не мог её упрекнуть. Разные были предложения, и в любовницы звали, и замуж. Молодой лейтенант, только что после училища, с полгода просиживали вечерами в библиотеке, дарил подарки.

– Вы не подумайте, – волнуясь говорил Татьяне, – я вами просто люблю. Но если что, готов ради вас на всё. Бросить армию, уехать вместе хоть куда.

Потом подал рапорт в Афганистан. И уехал. Перед отъездом вручил Татьяне блокнот, исписанный стихами, ей посвящёнными. «Спасибо вам, – сказал на прощанье. – Простите, если что».

Татьяна показала Галине стихи. Летящий, почти без наклона почерк. В стихах тоска неразделённой любви.

– Обломала парня, – сказала Галина. – Бывает, оказывается, и платоническая любовь.

– А что мне надо было делать?

– Только бы не погиб парень.

Татьяна продолжала регулярно писать письма в Афганистан. Артур отвечал редко. Писал односложно – всё хорошо, здоров.

Появился в военной городке в конце лета. На этот раз не трясло от мирной жизни, выглядел адекватно, да кто его знает, что лучше. Выпалил с порога – приехал разводиться. Предупреждая радостные объятия жены, слёзы счастья от встречи после долгой разлуки, бухнул – у него новая семья.

Татьяна побежала к Галине.

– Он приехал с пустым чемоданом, – ревела на кухне у подруги.

Галинин майор ушёл на суточное дежурство, можно было дать волю эмоциям.

– Оксанке подарочка копеечного не привёз! – жаловалась Татьяна. – В чемодан, с которым приехал, начал барахлом своим набить. У меня, говорит, другая женщина.

– Да он что совсем чокнулся? – выпалила Галина. – Да я его разорву! Ты два года ждала.

Артур подал на развод. На суд не пришёл.

Галина не успела к началу заседания, прибежала, когда оно шло. Решила подождать Татьяну в коридоре. За окном, забранным грубо сваренной решёткой, трепали корку хлеба голуби. И так увлеклись, что проворонили кошку, она подкралась по высокой траве газона и молнией ударила в стай-

ку, схватила птицу... В этот момент Галина почувствовала на себе взгляд, обернулась, Артур стоял в конце коридора, он поспешно показал спину, Галина решительно пошла.

– Ты что передумал?

– Нет, с чего ты взяла?

– Почему не на суде?

– Так надо. Всё равно я разведусь! Женюсь на другой!

– Татьяна тебя ждала, никого к себе не подпускала. Такая женщина, а ты?

– Та женщина в положении от меня.

– И что? У тебя дочь. Понимаешь – дочь!

– Оксанка уже большая.

– Что ты несёшь? Она в школу ещё не ходит. Её растить и растить.

– Я решил – развод!

С первого раза не развели, Татьяна была против, суд пошёл ей навстречу. Артур всё равно добился своего.

Та, что была в «положении» от Артура, вынашивала плод не торопясь – родила через четыре года. Артур после Афгана служил в Подмосковье, новая жена родом из Москвы. Как выяснилось позже, была она чекисткой. В Афганистана сформировалась категория женщин, которые предоставляли интимные услуги за чеки, коими в качестве денежного эквивалента снабжались офицеры. Кому война, а кому мать родна. Татьяна через полгода после развода уехала из военного городка в Свердловск, где у неё жила двоюродная сестра, там

вышла замуж. С Галиной остались подругами, переписывались, перезванивались. Артуром с чекисткой прожил двенадцать лет и разошёлся.

В том письме Татьяна рассказывала, что была в отпуске в Омске, попала на встречу одноклассников и столкнулась с Артуром. Проходу не давал. Постоянно крутился рядом. Жизнь порядком потрепала, выглядел полинявшим. Из армии ушёл в девяностых, переехал в Новосибирск, там сошёлся с женщиной, работал охранником.

Это произошло в год, когда на Украине случился майдан. В телефонном разговоре с Татьяной Галина сказала, что едет к дочери в Новосибирск, та вышла замуж за сибиряка. Татьяна попросила позвонить Артуру, по возможности встретиться.

– Неужели не перегорело до пепла? – спросила Галина и тут же перебила себя: – Попробую, давай телефон.

В Новосибирске позвонила Артуру, они встретились в кафе поблизости от станции метро.

Артур хромал, объяснил, что год назад сломал ногу, никак не восстановится.

– Время хорошо прошлошь по тебе, – сказала Галина, когда сели за столик.

Когда-то роскошные волосы Артура всё также были густы, но поседели и поблекли. Выглядел он уставшим.

– Ты тоже не помолодела, – в тон ответил Артур.

– А Татьяна твоя... Да какая она, если разобратъся, твоя.

Она и в пятьдесят пять красавица. Пусть не девчоночьей красотой, но красавица, что уж там говорить.

– Да наломали мы дров!

– Не «мы», а ты наломал! Связался непонятно с кем в Афгане. Она же чекистка.

– Что ты ерунду говоришь?

– Ты не один в Афгане служил в этой дивизии. А у нас военных, сам знаешь, такие секреты быстро распространяются. У неё мышление чекистки. Везде искала выгоду. И тебя, я уверена, захомутала не из сердечных чувств. Понимала, на гражданке бабушка надвое сказала – получится или нет нормально выйти замуж. С её репутацией и не светило, а тут военный, всегда обеспеченный. Но и ты не жертва коварной бабы, я своим умишком понимаю – тоже норовил своё ухватить. Она москвичка, вот ты и решил после демобилизации москвичом заделаться. Короче – два сапога пара.

– Жестокая ты!

– Что мне сопли твои вытирать прикажешь?

– При чём здесь это?

– Согласна. Прости. Погорячилась. Всё в прошлом, – примирительно сказала Галина. – Только прошлое сидит в вас. Ты тоже, гляжу, не перегорел, на встрече одноклассников лип к ней.

– Ты и это знаешь.

– А как же! Таня узнала, еду в Новосибирск, попросила встретиться с тобой. Хотя на её месте, я бы после первого

развода не сходилась, ребёнок ему мешал.

– Я с тобой тоже бы не сошёлся.

Галина пропустила мимо ушей реплику Артура

– С её-то внешностью могла, кого хочешь выбрать. Дура, не раз говорила ей об этом, если мужу мешает ребёнок, что это за муж. Но это уже потом, а когда ты был в Афгане, уговаривала, чтобы ждала. До, собственно, она и без меня ждала. Никто в неё грязью не кинет. Пока воевал, знаешь, сколько мужиков к ней липло, от безусых лейтенантов до седых полковников. Начальник штаба вдруг сделался отчаянным книголюбом. Едва не каждый день бегал в библиотеку за книжками, облизывался на такой персик. Всех отшивала. Полгода лейтенантик пороги в библиотеке оббивал, на всё готов был ради неё. А ты на чекистку променял такую роскошную женщину. Я за свою жизнь, если пять таких красавиц встречала, хорошо.

– Что ты заладила «чекистка, чекистка»! – перебил Артур.

– А что – неправда?

– Дурак, конечно, был.

– Что дурак, Артур, это точно. Дочь бросил. Зато Оксанка выросла с таким стержнем.

Артур рассчитался с официантом, стал прощаться:

– Пойду, а то моя заждалась.

– Ревнивая? – усмехнулась Галина.

– Нет. В прошлом году я ногу сломал, нынче она, надо везти на приём.

– Прости, не знала.

– Да ладно!

– Ты иди, если торопишься, – сказала Галина, – а я посижу, кофе здесь хороший, выпью ещё чашечку. Что Татьяне передать? Сегодня обязательно ей позвоню, доложу о нашей встрече.

– Привет передавай, Оксане тоже.

– Оксанка – молодчик. Фирму организовывала, жёстко дело ведёт, мужики по струночке ходят.

Артур пошёл между столиками, припадая на правую ногу. Галина заказала ещё чашечку кофе и заварное пирожное.